„Проф 49"

LES ASSOCIATIONS PROFESSIONELLES D'OUVRIERS

РАБОЧАЯ БИБЛІОТЕКА, серія 2-ая, выпускъ 1-й

М. ШИППЕЛЬ.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЕ СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ

ПЕРЕВОДЪ СЪ НѢМЕЦКАГО, СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ Д. КОЛЬЦОВА

ИЗДАНІЕ

Революціонной Организаціи „СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТЪ"

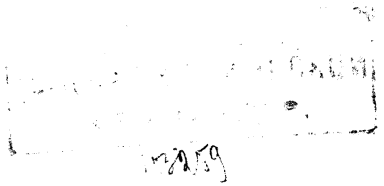
ЦѢНА: 40 коп.

ЖЕНЕВА

Типографія революціонной организаціи „Соціальдемократъ"

1901

Пров 49



ОБЪ ИЗДАНІИ СОЦІАЛЬ-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РАБОЧЕЙ БИБЛІОТЕКИ.

Чѣмъ болѣе развивается рабочее движеніе въ Россіи, тѣмъ болѣе чувствуется въ немъ недостатокъ популярной соціалистической литературы. О необходимости пополненія этого недостатка говорилось у насъ очень много, но сдѣлано было до сихъ поръ очень мало, если не считать нѣкоторыхъ изданій, которыя признаются годными для рабочихъ, повидимому, единственно на томъ основаніи, что они негодны для интеллигенціи. Организація «Соціаль-демократъ» рѣшилась, поэтому, предпринять подъ редакціей Г. Плеханова и Д. Кольцова изданіе ряда популярныхъ брошюръ, посвященныхъ основнымъ вопросамъ теоріи, практики и исторіи рабочаго движенія заграницей и въ Россіи. Она увѣрена, что ея попытка встрѣтитъ сочувствіе и поддержку со стороны всѣхъ русскихъ товарищей.

До сихъ поръ изданы съ указанной цѣлью брошюры:

Красное знамя въ Россіи.

Потребительныя товарищества, Карла Каутскаго.

Рабочіе Союзы, Шиппеля.

Готовятся къ печати:

Трэдъ-юніонизмъ, кооперація и соціаль-демократія, Квельча.

О безработицѣ, Шмидта

«Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи», Г. Плеханова (2 изданіе), и нѣкоторыя другія.

ПРЕДИСЛОВІЕ

I

Въ странахъ съ развитымъ капиталистическимъ производствомъ и съ свободными политическими формами профессіональные союзы рабочихъ выполняютъ чрезвычайно важную, хотя и ограниченную задачу. Основная цѣль профессіональныхъ союзовъ состоитъ въ улучшеніи экономическаго и профессіональнаго положенія рабочихъ, на сколько это возможно въ предѣлахъ современнаго общественнаго строя. Къ первому мы относимъ главнымъ образомъ повышеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго дня; ко второму — улучшеніе внѣшней обстановки на фабрикѣ, измѣненіе къ лучшему фабричныхъ правилъ и т. под. Каковы мѣры, принимаемыя профессіональными союзами для того и другого, и каково значеніе этихъ мѣръ для рабочихъ — на эти вопросы читатель найдетъ отвѣтъ въ предлагаемой брошюрѣ Шиппеля.

Но, какъ сказано, эта задача профессіональныхъ союзовъ ограничена, а именно ограничена современнымъ способомъ производства. Въ нынѣшнемъ обществѣ производство ведется для полученія прибыли. Это не всегда такъ было и не всегда такъ будетъ: въ докапиталистическую эпоху цѣлью производства являлось удовлетвореніе потребностей самихъ производителей, напримѣръ, крестьянъ, или тѣхъ, кому производители были подчинены, напримѣръ, помѣщиковъ; въ будущемъ соціалистическомъ обществѣ производство будетъ стремиться къ удовлетворенію потребностей всѣхъ членовъ общества. Въ настоящее время капиталистъ, представитель капитала, покупаетъ на рынкѣ рабочую силу, являющуюся единственнымъ источникомъ прибыли. Плата за эту рабочую силу опредѣляется въ общемъ потребно-

стями рабочихъ. Но потребности эти могутъ развиваться. Капиталистъ стремится удержать эти потребности на самомъ низкомъ уровнѣ. Пока рабочіе разрозненны, они и довольствуются этимъ низкимъ уровнемъ. Но съ появленіемъ рабочихъ союзовъ дѣло измѣняется. Рабочіе союзы уменьшаютъ конкурренцію рабочихъ между собою и тѣмъ способствуютъ повышенію заработной платы.

Но для того, чтобы профессіональные союзы могли выполнять эту важную задачу, необходимо, чтобы за ними было признано право на существованіе, чтобы закономъ признавалась свобода союзовъ. Такое признаніе немыслимо при существованіи самодержавія.

Само собою разумѣется, что наше законодательство не признаетъ существованія рабочихъ союзовъ и караетъ стачки какъ уголовное преступленіе. Относящіяся сюда статьи Уложенія о наказаніяхъ имѣютъ слѣдующее содержаніе:

Ст. 1358. За стачку между работниками какого либо завода, фабрики или мануфактуры, прекратить работы прежде истеченія условленнаго съ содержателями сихъ заведеній времени для того, чтобы принудить хозяевъ къ возвышенію получаемой ими платы, виновные подвергаются:

аресту, зачинщики — на время отъ трехъ недѣль до трехъ мѣсяцевъ, а прочіе — отъ семи дней до трехъ недѣль.

1358.[1] За прекращеніе работъ на фабрикѣ или заводѣ по стачкѣ между собою рабочихъ, съ цѣлью принужденія фабрикантовъ или заводчиковъ къ возвышенію заработной платы или измѣненію другихъ условій найма до истеченія срока послѣдняго, виновные подвергаются:

подстрекавшіе къ начатію или продолженію стачки — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ, а прочіе участники — заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ.

Участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полицейской власти, отъ наказанія освобождаются.

1358.[2] Участники стачки, причинившіе поврежденіе или уничтоженіе заводскаго или фабричнаго имущества, или имущества лицъ, служащихъ на заводѣ или фабрикѣ, буде содѣянное ими не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергаются:

подстрекавшіе къ симъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою — тюремному заключенію на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, а прочіе участники — тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

1358.[3] Участники стачки, принудившіе другихъ рабочихъ, посредствомъ насилія и угрозъ, прекратить работу, или не возобновлять прекращенную, буде учиненное ими насиліе не составляетъ болѣе тяжкаго преступленія, подвергаются:

подстрекавшіе къ симъ дѣйствіямъ или распоряжавшіеся толпою — тюремному заключенію на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ, а прочіе участники — тюремному заключенію на время отъ четырехъ до восьми мѣсяцевъ.

Здѣсь сохранены всѣ характерныя особенности реакціоннаго законодательства, считающаго стачки особымъ преступленіемъ и налагающаго особыя наказанія за дѣйствія, совершаемыя при стачкахъ, хотя бы и не наказуемыя на основаніи общаго уголовнаго законодательства. Сюда, напримѣръ, слѣдуетъ отнести очень растяжимое понятіе „угрозъ“. Если въ обыденной жизни одинъ рабочій заявитъ, что не хочетъ имѣть никакихъ сношеній съ товарищемъ за какой-нибудь некрасивый поступокъ со стороны этого послѣдняго, если даже въ запальчивости онъ употребитъ болѣе сильное выраженіе,то въ худшемъ случаѣ законъ увидитъ въ этомъ оскорбленіе, за которое мировой судья и назначитъ незначительный штрафъ. Если же это произойдетъ во время стачки, то то же дѣйствіе получаетъ названіе угрозы и на основаніи статьи 1358[3] наказуется тюремнымъ заключеніемъ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года четырехъ мѣсяцевъ. Мало этого. Признавая, что „участники стачки, прекратившіе таковую и приступившіе къ работамъ по первому требованію полиціи, отъ наказанія освобождаются“, законъ перестаетъ видѣть въ стачкѣ столкновеніе между предпринимателемъ и рабочими, и придаетъ ей значеніе политическаго преступленія, за которое государственная власть вправѣ карать, вправѣ и миловать, причемъ милуетъ она того, кто своевременно раскаялся, т. е. кто измѣнилъ собственному дѣлу.

Дальше. Не смотря на то, что наше законодательство караетъ стачку торговцевъ или промышленниковъ тюремнымъ заключеніемъ на время до восьми мѣсяцевъ (статья 1180 Уложенія о на-

казаніяхъ), число синдикатовъ (союзовъ предпринимателей) ростетъ у насъ съ каждымъ годомъ. У насъ уже существуютъ синдикаты — сахарный, гвоздильный, нефтепромышленный, стекляпромышленный и страховой. Въ апрѣлѣ 1901 года, по словамъ оффиціальнаго органа нашего министерства финансовъ, „Торговопромышленной Газеты", представители пяти дѣйствующихъ въ Россіи трубопрокатныхъ заводовъ послѣ продолжительныхъ совѣщаній подписали условіе, въ силу котораго всѣ заводы соединяются въ формальный синдикатъ съ обязательными для всѣхъ участниковъ цѣнами, нормировкой производства, разграниченіемъ сбыта и дѣлежомъ общей прибыли согласно производству каждаго отдѣльнаго завода. Не трудно предсказать, какая участь постигла бы рабочихъ за одну только попытку создать подобный же союзъ въ интересахъ товара — рабочей силы!

Въ брошюрѣ Шиппеля читатель найдетъ примѣры неодинаковаго отношенія къ синдикатамъ предпринимателей и къ союзамъ рабочихъ со стороны законодательства нѣкоторыхъ западно-европейскихъ странъ. Но въ то время какъ западно-европейскія правительства принуждены считаться съ существующими законами, наше царское правительство не имѣетъ надобности церемонитсья: хотя законъ одинаково запрещаетъ и синдикаты предпринимателей и стачки рабочихъ, но это не мѣшаетъ правительству и его чиновникамъ терпѣть и даже поддерживать синдикаты и преслѣдовать стачки...

Тѣ, которые представляютъ себѣ возможность свободы союзовъ при самодержавномъ правительствѣ, разсуждаютъ обыкновенно такимъ образомъ: рабочіе сначала устраиваютъ стачки; отсюда они выносятъ убѣжденіе въ пользѣ союзовъ, начинаютъ втайнѣ отъ правительственныхъ чиновниковъ соединяться между собой; мало по малу къ такимъ союзамъ всѣ привыкаютъ и, наконецъ, законодатели оказываются вынужденными признать ихъ.

Нѣтъ ничего ошибочнѣе такого представленія. Мы нисколько не отрицаемъ возможности существованія небольшихъ союзовъ, терпимыхъ правительствомъ въ виду ихъ безабидности для него и для фабрикантовъ, но отсюда до свободы союзовъ такъ же далеко какъ отъ земли до неба.

Профессіональный союзъ, прежде всего, не есть союзъ рабочихъ одной фабрики и не можетъ даже долго оставаться союзомъ рабочихъ нѣсколькихъ фабрикъ; стремленіе къ національному и

интернаціональному (международному) объединенію лежитъ въ характерѣ этой дѣятельности. Для всякаго, кто внимательно прочитаетъ брошюру Шиппеля, будетъ ясно, почему это такъ. Но чѣмъ союзъ обширнѣе, чѣмъ шире тѣ рамки, въ которыхъ онъ дѣйствуетъ, тѣмъ больше онъ нуждается въ защитѣ отъ произвола чиновничества. Безъ свободы собраній и свободы слова, безъ устной и печатной агитаціи такой союзъ вообще невозможенъ.

II

Но, говорятъ наши „экономисты“*), примѣръ Англіи, Бельгіи и другихъ конституціонныхъ странъ показываетъ, что и при свободныхъ политическихъ формахъ рабочіе союзы все же преслѣдуются, стачечники все же подвергаются наказаніямъ. Поэтому, говорятъ они, политическая свобода вовсе не является предварительнымъ условіемъ для развитія и роста рабочаго движенія.

Подобное умозаключеніе нашихъ „экономистовъ“ отнюдь нельзя назвать логичнымъ. Если и при политической свободѣ союзы рабочихъ не всегда пользуются законнымъ признаніемъ и даже терпятъ иногда гоненія, то отсюда можетъ быть сдѣланъ только тотъ выводъ, что и на западѣ рабочимъ еще надо бороться за расширеніе своихъ политическихъ правъ, а не тотъ, что русскіе рабочіе могутъ обойтись безъ этихъ правъ.

Признавая, поэтому, тотъ неоспоримый фактъ, что не всякая конституція гарантируетъ рабочимъ всю необходимую для развитія ихъ класса степень свободы, мы тѣмъ не менѣе не можемъ согласиться съ вышеуказаннымъ взглядомъ „экономистовъ“. Даже самая плохая конституція даетъ хоть нѣкоторую возможность двигаться, говорить, писать, учиться, словомъ создаетъ ту атмосферу, въ которой дальнѣйшее развитіе совершается уже съ гораздо большей быстротою и легкостью.

Въ этой новой атмосферѣ и рабочій классъ начинаетъ дышать совсѣмъ иначе. Борьба, которую ведетъ теперь небольшое мень-

*) Примѣчаніе для читателя двадцать перваго столѣтія, если таковой найдется. — Въ лѣто отъ Р. Хр. 1901-ое „экономистами“ (въ кавычкахъ) назывались не тѣ, которые занимались изученіемъ экономическихъ наукъ, а тѣ, которые утверждали, что рабочіе не должны преслѣдовать другихъ цѣлей, кромѣ экономическихъ.

шинство, тогда встрѣтитъ отголосокъ въ сердцахъ тысячъ и десятковъ тысячъ, и нечего будетъ бояться, что этотъ отголосокъ можетъ быть заглушенъ почеркомъ пера цензора или окрикомъ жандарма. И то, что при самодержавіи совершенно немыслимо, при существованіи политической свободы становится вопросомъ мѣсяцевъ, даже дней.

„Существовали конституціи, которыя не признавали свободы союзовъ." Да! Но существуетъ ли возможность завоевать эту свободу при самодержавіи? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить отрицательно. А между тѣмъ даже при жалкой австрійской конституціи рабочіе добились свободы коалицій. Конституціонному правительству легче дѣлать уступки въ вопросахъ, касающихся разныхъ „свободъ", такъ какъ эти уступки не подтачиваютъ его существованія, а скорѣе увеличиваютъ его силу, зависящую отъ степени довѣрія къ нему народа. Гоненія, которымъ подверглись англійскіе рабочіе въ началѣ девятнадцатаго вѣка, Шиппель сравниваетъ съ эпохой исключительнаго закона противъ соціалистовъ въ Германіи. Но что значитъ эта эпоха въ сравненіи съ мартирологомъ русской революціи за послѣдніе сорокъ лѣтъ?

Вотъ почему тысячу разъ неправы наши „экономисты". Мы не отрицаемъ возможности кое-какихъ уступокъ со стороны самодержавія, но это будутъ устуки, не затрогивающія глубоко его интересовъ и вынужденныя страхомъ передъ политическимъ движеніемъ пролетаріата.

III

Заговоривши объ уступкахъ нашего правительства, невольно вспоминаешь массовыя петербургскія стачки 1896 и 1897 года, вызвавшія наиболѣе крупную изъ уступокъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ рабочимъ. Изъ „Тайныхъ документовъ, относящихся къ закону 2-го іюня 1897 года", мы знаемъ, что правительство, издавая этотъ законъ, преслѣдовало главнымъ образомъ одну цѣль — отвлеченіе рабочихъ отъ политики. Эта мысль о связи между тогдашнимъ стачечнымъ движеніемъ и политикой, ясная нашему правительству, была также ясна тогдашнему руководителю движенія, петербурскому „Союзу борьбы за освобожденіе рабочаго класса". Впослѣдствіи наши соціальдемократы сдѣлали въ этомъ отношеніи большой шагъ назадъ.

Этотъ понятный шагъ въ настоящее время многими отрицается. Въ самое послѣднее время неоднократно дѣлались попытки представить развитіе революціонной мысли среди дѣйствующихъ въ Россіи соціальдемократовъ какъ постоянное движеніе впередъ, какъ постепенное освобожденіе отъ предразсудковъ исторической среды. На основаніи этого толкованія наше движеніе никогда не отклонялось въ сторону: его политическій характеръ начинаетъ обнаруживаться только въ самое послѣднее время, а идея о непримиримости рабочаго движенія съ самодержавіемъ родилась чуть ли не вчера.*) Литература эпохи петербургскихъ стачекъ покажетъ намъ, насколько вѣрно и то и другое.

Въ № 3-4 „Работника“, вышедшемъ въ 1897 году, помѣщена интересная во многихъ отношеніяхъ статья „По поводу С. Петербургской стачки“, писанная лицомъ, весьма близко стоявшимъ къ тогдашнимъ петербургскимъ соціальдемократамъ и хорошо знакомымъ съ тогдашнимъ настроеніемъ. Вотъ что мы читаемъ въ этой статьѣ:

„Въ Россіи, благодаря ея политическому строю, передъ рабочимъ движеніемъ заложены всѣ или почти всѣ легальные пути; этотъ политическій строй и существуетъ-то потому, что всѣ другіе классы русскаго общества оказывались до сихъ поръ — по тѣмъ или инымъ причинамъ — противъ него безсильными. Они, т. е. имущіе классы, пользуются существующимъ политическимъ строемъ, они управляютъ Россіей при посредствѣ самодержавнаго царя и его многоголоваго чиновничества, но управляютъ, такъ сказать, съ задняго крыльца, какъ нѣкогда помѣщичьей вотчиной управ-

*) Въ № 9 „Рабочаго Дѣла“ (май 1901) статья Мартынова „Очередные вопросы“ начинается такъ: „По мѣрѣ распространенія нашего движенія въ немъ все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ пробиваться политическая струйка. Объ этомъ свидѣтельствуетъ характеръ соціальдемократической литературы за послѣдніе три года“... А въ примѣчаніи, сдѣланномъ редакціей къ этой статьѣ, говорится: „Тѣмъ не менѣе она (т. е. статья) не теряетъ своего глубокаго интереса въ качествѣ новой (? Д. К.) попытки „выработать принципы политической тактики рабочаго движенія“ на основѣ анализа какъ психики рабочаго, такъ и въ особенности самодержавнаго строя“ (курсивъ въ подлинникѣ). О психикѣ рабочаго въ другой разъ. Что же касается „политической струйки“, проявившейся „за послѣдніе три года“ и „новой попытки“ на основѣ анализа „самодержавнаго строя“, то объ этомъ смотри въ текстѣ.

ляли хитростные бурмистры или всесильные дворецкіе, которымъ господа и ихъ первые слуги говорили „ты“, хотя и плясали подъ ихъ дудку. Г. Витте — покорный слуга русскихъ капиталистовъ и помѣщиковъ, не смотря на то, что онъ держитъ себя съ ними какъ баринъ, и подчасъ очень строгій. За этотъ маскарадъ капиталистовъ и помѣщиковъ, царя и слугъ его, министровъ, благодаря отсутствію политическихъ правъ у русскихъ подданныхъ, всѣхъ тяжеле платится рабочій людъ, крестьяне и фабричные рабочіе. Съ нихъ берутъ тяжелые налоги, ихъ образованію ставятся величайшія препятствія, имъ не только не даютъ никакихъ правъ, но еще жестоко караютъ за всякія попытки соединенными усиліями улучшить свое положеніе. На людей изъ другихъ классовъ, которые хотятъ помогать рабочему народу, пробуждая въ немъ сознаніе, научая его защищать свои интересы, ставятъ клеймо: *неблагонадежный*. Съ этимъ клеймомъ нельзя быть учителемъ, нельзя служить въ земствѣ, нельзя часто вообще зарабатывать себѣ хлѣбъ. Это гнусное слово, которое означаетъ, что можно думать, говорить и жить только такъ, какъ велятъ царь и его чиновники, во всемъ цивилизованномъ мірѣ существуетъ только на русскомъ языкѣ и для русскаго народа...

„Россія — единственная въ Европѣ страна, въ которой современная крупно-капиталистическая промышленность и пролетаріатъ развиваются при господствѣ самодержавія. Ни одна страна при *такихъ* политическихъ условіяхъ не обладала *такою* промышленностью... Растущая промышленность и торговля и преобразуемое ими земледѣліе требуютъ и сами создаютъ иныхъ людей, чѣмъ допотопное дѣдовское хлѣбопашество, да убогіе кустарные промыслы.... Огромному большинству рабочихъ нѣтъ выхода изъ своего класса. Пробудившаяся мысль и пытливость рабочаго направляется, поэтому, не на личное благополучіе, а на интересы и задачи всего класса, всего народа или всего человѣчества. Интересы же всего рабочаго класса стоятъ въ непримиримомъ противорѣчіи съ существующимъ политическимъ строемъ. Образованный, развитой рабочій не можетъ не знать, что *только* въ *Россіи* рабочимъ запрещено устраивать стачки, собранія и союзы, что *только русскіе* законы о печати не даютъ говорить объ интересахъ и задачахъ рабочихъ, какъ особаго класса. У насъ, правда, существуетъ фабричное законодательство, но не то, что наше жалкое, а даже самое совершенное фабричное зако-

нодательство не можетъ обнять всѣхъ сторонъ жизни рабочихъ. Правительство путемъ фабричныхъ законовъ можетъ сократить рабочее время и устранить наиболѣе вопіющія безобразія фабричныхъ порядковъ. Но есть одна сторона въ жизни рабочихъ, и при томъ самая важная для нихъ, относительно которой совершенно безсильно самое лучшее рабочее законодательство: это — столкновенія и споры между хозяевами и рабочими о высотѣ заработной платы. Для того, чтобы добиться повышенія заработной платы или недопустить ея паденія, — рабочіе должны требовать и вообще дѣйствовать сообща... Между тѣмъ, въ Россіи рабочимъ запрещены всякія дѣйствія сообща. Но разъ условія капиталистической промышленности сами дѣлаютъ необходимымъ, чтобы рабчіе сообща устанавливали уровень заработной платы, сообща боролись за ея повышеніе и противъ ея пониженія, то не значитъ ли это, что политическій строй, не допускающій такой борьбы со стороны рабочихъ, долженъ напоминать пролетаріату о своемъ несоотвѣтствіи съ его интересами, напоминать постоянно и въ растущей мѣрѣ...

„Вотъ почему рабочій классъ въ Россіи есть единственный революціонный классъ: онъ не только страдаетъ отъ существующаго политическаго строя, какъ земледѣльцы — крестьяне, онъ всѣмъ своимъ положеніемъ вынужденъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ вынужденъ вести борьбу съ самодержавіемъ царя и самовластіемъ чиновниковъ. Лишь въ немъ всегда возможны массовыя движенія, которымъ не могутъ положить предѣла никакія правительственныя мѣропріятія, ни фабричные урядники, ни фабричные инспектора, лишь рабочихъ, какъ цѣлый классъ, грамотность и образованіе будетъ толкать на осуществленіе задачъ, непримиримыхъ съ общественнымъ безправіемъ. Современное русское правительство не можетъ дозволить рабочимъ устраивать стачки, союзы и собранія: если даже сегодня рабочій классъ и воспользуется этими средствами лишь для борьбы съ капиталистами, то завтра онъ, въ союзѣ съ другими недовольными элементами общества, обратитъ ихъ противъ правительства для того, чтобы завоевать себѣ дальнѣйшее расширеніе правъ. А такое расширеніе можетъ уже произойти только на счетъ самодержавія. Такимъ образомъ, самодержавное правительство должно преслѣдовать рабочее движеніе, а рабочій классъ, добивающійся простора для самодѣятельности и классовой борьбы, долженъ бороться съ самодержавіемъ. Это —

двѣ силы, между которыми не можетъ быть ни мира, ни даже временнаго перемирія.“*)

Какъ видитъ читатель, авторъ очень ясно сознаетъ политическія задачи русскаго рабочаго класса, и если онъ не говоритъ о новой „попыткѣ выработать принципы политической тактики рабочаго движенія на основѣ анализа особенностей самодержавнаго строя“, то по той простой причинѣ, что въ 1897 году въ этой попыткѣ не видѣли ничего новаго.

Не забылъ также авторъ статьи „По поводу С.-Петерб. стачки“ элементовъ, изъ которыхъ „и прежде и теперь рекрутировались наши революціонеры“,**) т. е. интеллигенціи:

„Интеллигенція, въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ и радикальныхъ представителей, должна слиться съ рабочимъ движеніемъ. И чѣмъ яснѣе выступаетъ политическая задача этого движенія, тѣмъ легче слиться съ нимъ наиболѣе сознательнымъ элементамъ интеллигенціи. Интересы русской интеллигенціи никогда не мирились и теперь еще менѣе, чѣмъ когда-либо, мирятся съ политическимъ безправіемъ. Черезъ всю русскую исторію XIX-го вѣка тянется борьба извѣстнаго слоя русскаго образованнаго общества съ самодержавнымъ произволомъ. Борьба эта, какъ ни безуспѣшна она была до сихъ поръ, породила множество духовныхъ силъ: сознательно или безсознательно, на этой борьбѣ воспиталась и выросла русская литература и ея великіе представители. Духовныя силы интеллигенціи и умственныя сокровища литературы сами по себѣ, конечно, недостаточны для того, чтобы завоевать русскому народу политическую свободу. Но соприкосновеніе съ революціоннымъ общественнымъ классомъ, съ классомъ рабочихъ, превратитъ эту дремлющую духовную силу въ силу дѣйствующую и общественную.

„Борясь за политическую свободу, русскій рабочій классъ и слившаяся съ нимъ революціонно-соціалистическая интеллиген-

*) „Работникъ“ № 3-4, стр. V — XI. — Просимъ кстати у читателя извиненія за длинныя выписки. Насъ побуждаетъ къ этому появленіе соціаль-демократовъ, непомнящихъ родства. Соціальдемократическая мысль будетъ постоянно дѣлать странные зигзаги, если пренебрежительное отношеніе къ нашему прошлому станетъ у насъ обыденнымъ явленіемъ. Мы видимъ въ этомъ опасность даже для нашей практической работы и считаемъ необходимымъ указать на этотъ фактъ.

**) Выраженіе „Рабочаго Дѣла, № 9, стр. 45-46.

ція будуть отстаивать, вмѣстѣ со своими жизненными классовыми интересами, общенародное дѣло, будутъ ясно высказывать то, что смутно чувствуется всѣмъ народомъ, самыя существенныя нужды и желанія котораго упираются, какъ въ стѣну, въ царское самодержавіе.“*)

Намъ кажется, что въ цитируемой статьѣ вопросъ о политической роли рабочаго класса въ Россіи, о непримиримости его требованій съ существованіемъ самодержавія, о значеніи революціонной интеллигенціи, былъ поставленъ гораздо шире, чѣмъ въ статьѣ „Очередные вопросы“. Но этого мало. Не только вопросъ былъ поставленъ, но даже тѣже принципы были перенесены въ нашу пропагандистски-агитаціонную литературу, распространявшуюся въ нашей рабочей средѣ, слѣдовательно легли въ основаніе политической тактики, по крайней мѣрѣ, части нашихъ соціальдемократовъ.

Такъ, въ изданной въ томъ же 1897 году брошюрѣ — „Десятилѣтіе Морозовской стачки“ имѣется заключеніе, написанное В. И. Засуличъ, изъ котораго мы позволимъ себѣ сдѣлать еще одну довольно длинную выписку:**)

„Послѣ освобожденія крестьянъ наши суды были устроены по образцу европейскихъ и въ общемъ были хорошими, справедливыми судами. Но постепенно оказывалось, что при самодержа-

*) Работникъ №3-4 стр. XIII — XIV.

**) Въ доказательство того, что въ нашемъ рабочемъ движеніи теперь начинаетъ пробиваться политическая струйка, Мартыновъ ссылается на характеръ соціальдемократической литературы за послѣдніе три года. Оставляя въ сторонѣ литературу, предшествовавшую массовому рабочему движенію, мы обратимъ вниманіе читателя на всѣ шесть номеровъ „Работника“, выходившаго съ 1896 по 1899 годъ, т. е. въ эпоху наибольшаго развитія нашего массоваго движенія. Въ указанныхъ номерахъ „Работника“ товарищъ Мартыновъ найдетъ слѣдующія статьи П. Аксельрода: „Цѣли и средства всемірной демократіи“ (Работникъ №1-2, 1896), „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ“ и „Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и соціалистической демократіи“ (Работникъ №5-6, 1899). Въ этихъ статьяхъ сдѣлана попытка выработать принципы политической тактики рабочаго движенія не только на основѣ анализа самодержавнаго строя вообще (какъ это дѣлаетъ Мартыновъ), но на основѣ анализа современнаго русскаго самодержавія.

віи справедливый, гласный, равный для всѣхъ судъ годится не для всѣхъ дѣлъ и не для всѣхъ лицъ, что многихъ нельзя судить во всеуслышаніе, и нужно молча расправляться съ ними своими административными средствами. Нельзя судить писателей и издателей за непріятныя правительству статьи, а нужно безъ разговоровъ уничтожать газеты и журналы; нельзя судить соціалистовъ, потомъ нельзя стало судить и рабочихъ, сопротивляющихся фабрикантамъ. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ мѣстъ уничтожены мировые суды, которымъ слишкомъ часто приходилось разбирать и рѣшать по закону дѣла между господами и прислугой, между помѣщиками и ихъ батраками. Теперь на мѣстахъ мировыхъ судей сидятъ земскіе начальники, для которыхъ законъ не писанъ. Понемногу выяснилось для правительства, что сколько нибудь справедливо въ Россіи можно судить только воровъ и обыкновенныхъ убійцъ. Всѣ остальные оказывались не преступниками, а людьми, интересы которыхъ нарушаются существующими порядками, защищаемыми самодержавнымъ цравительствомъ. Если этихъ людей судить по справедливости, то виноватымъ такъ или иначе окажется само же правительство. Послѣ суда надъ морозовскими стачечниками, къ числу людей, интересы которыхъ противоположны интересамъ самодержавнаго правительства, были причислены и фабричные рабочіе. Ихъ перестали гласно судить и начали молча расправляться съ ними, какъ съ врагами. Около того же времени запрещено также печатаніе отчетовъ фабричныхъ инспекторовъ, разказывавшихъ о тяжеломъ положеніи рабочихъ, и смѣщены тѣ инспектора, которые слишкомъ заботились о раскрытіи злоупотребленій фабрикантовъ.

„Но правительство поняло, однако, что одной безсудности и безгласности все-таки мало для полнаго устраненія „рабочаго вопроса“. Къ этимъ всегдашнимъ своимъ средствамъ оно прибавило законъ 1886 года. Въ „отчетѣ Государственнаго Совѣта“ за 1886 г. прямо говорится, что слѣдствіе по дѣлу о волненіяхъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ Владимірской и Московской губерній раскрыло такія дурныя стороны нашихъ фабричныхъ порядковъ, которыя неизбѣжно вызываютъ со стороны рабочихъ постоянное недовольство, склонность къ стачкамъ и безпорядкамъ и „воспріимчивость къ преступнымъ ученіямъ, направленнымъ къ ниспроверженію государственнаго и общественнаго порядка“, и что для устране-

нія всего этого въ будущемъ необходимъ законъ, регулирующій взаимныя отношенія между фабрикантами и рабочими....

„Зажавши ротъ всѣмъ, кто могъ бы говорить, а самому себѣ — уши, правительство надѣялось отмолчаться отъ „рабочаго вопроса". А между тѣмъ, онъ дѣлалъ громадные успѣхи, приготовляясь къ новому, уже окончательному водворенію въ русской землѣ. Промышленность росла все быстрѣе, число рабочихъ увеличивалось, среди нихъ именно въ послѣдніе десять лѣтъ обнаружилось огромное желаніе знать, понимать, учиться во что бы то ни стало. Эта жажда знанія росла не только въ городахъ, но и въ деревняхъ, откуда пополнялись ряды рабочихъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, за послѣдніе пять — шесть лѣтъ, шла дѣятельная пропаганда: среди рабочихъ приготовлялись знающіе люди, „студенты", какимъ былъ Мосеенокъ. До чего разросся уже „рабочій вопросъ" въ то время, когда его продолжали еще замалчивать, до чего необходимы стали рабочимъ гласность и объединеніе, показываетъ огромный, внезапный ростъ рабчаго движенія въ Петербургѣ за какой-нибудь одинъ годъ. Осенью 1895 года основался „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса", и уже зимой „рабочій вопросъ" стоялъ передъ правительствомъ во весь ростъ, а въ началѣ лѣта 1896 года о русскомъ рабочемъ движеніи заговорилъ весь міръ.

„И что же дѣлалъ вначалѣ этотъ „Союзъ борьбы„? Онъ записывалъ подъ диктовку рабочихъ всякія подробности злоупотребленій со стороны хозяевъ, всякія злыя хитрости и обманы насчетъ расцѣнокъ, вычетовъ, браковки, растягиванія безъ конца рабочаго дня — печаталъ это все въ своихъ листкахъ и распространялъ среди рабочихъ, приглашая ихъ защищаться отъ такихъ фабричныхъ порядковъ, которыхъ не могъ бы не признать дурными и самъ Государственный Совѣтъ, какъ признавалъ таковыми порядки, обнаруженные слѣдствіемъ по дѣлу о стачкѣ 1885 года. Кромѣ того, „Союзъ" раскрывалъ нарушенія фабричныхъ порядковъ, случавшіяся даже на казенныхъ заводахъ, и тоже объявлялъ о нихъ въ листкахъ. Все это такія дѣла, которыя, при другомъ правительствѣ, дѣлались бы сами собою, посредствомъ газетъ и судовъ, а при существованіи открытыхъ, законныхъ союзовъ невозможны были бы ни нарушенія законовъ, ни злоупотребленія со стороны фабрикантовъ. У насъ дѣлать это необходимое, законное дѣло пришлось членамъ тайнаго общества, и правительство неустанно преслѣдовало ихъ, моря по тюрьмамъ и отправ-

ляя въ ссылку всѣхъ, кого заподозривало въ принадлежности к „Союзу".

„Въ законъ 1886 года цѣликомъ вошли, какъ мы знаемъ, нѣ которыя изъ требованій морозовскихъ стачечниковъ. Можно ска зать, слѣдовательно, что Моссенокъ съ товарищами помогали са мому Государственному Совѣту въ его законодательной дѣятель ности, и за это, какъ мы тоже знаемъ, были отправлены в ссылку. Члены „Союза Борьбы" своими листками и послѣдовав шимъ объединеніемъ рабочихъ подготовили громадныя и друж ныя петербургскія стачки, приведшія къ изданію закона, сокра щающаго рабочій день, (законъ 2-го іюня 1897 года). Они сдѣ лали великое дѣло, полезное для рабочихъ всей Россіи. И сам правительство, издавая законъ, признало, что дѣло было дѣйстви тельно полезное, но изъ тѣхъ, кто его дѣлалъ, оно арестовал всѣхъ, кого только съумѣла схватить полиція. Иначе и не мо жетъ поступать самодержавное правительство. Тѣмъ-то оно и самодержавно, что издаетъ законы (а чаще всего дѣйствуетъ без законовъ) не по высказанному желанію населенія, какъ это дѣла ется въ свободныхъ странахъ, а по собственному произволу. „Со юзъ борьбы" помогъ рабочему населенію выяснить и высказат свои ближайшія требованія, а стачки вынудили хозяевъ и пра вительство исполнить нѣкоторыя изъ этихъ требованій. Прави тельство издало хорошій законъ, но тѣмъ самымъ нарушил свои самодержавныя правила. Въ этомъ виноваты члены „Союза" тѣмъ самодержавнѣе надо поступить съ ними". . .*)

Этимъ „Заключеніемъ" были очень недовольны тѣ, которые уж тогда полагали, что русскимъ рабочимъ еще рано говорить о по литикѣ, которые обвиняли другихъ въ томъ, что они хотят взять самодержавіе на „уру", но зато оно пришлось по душ всѣмъ тѣмъ, кто и тогда, какъ и теперь, ставилъ ближайше

*) „Десятилѣтіе Морозовской Стачки", стр. 32-37. Обращаем кстати вниманіе товарища Мартынова, что какъ „Работникъ" такъ и „Десятилѣтіе морозовской стачки" изданы „Союзомъ рус скихъ соціальдемократовъ" (послѣдняя брошюра по порученію с.-петербургскаго „Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса"), тѣмъ самымъ „Союзомъ", которому онъ (Мартыновъ) въ свое статьѣ дѣлаетъ комплиментъ такого рода: „Мы считаемъ глав ной заслугой Союза Русскихъ Соціальдемократовъ его стремленія не замыкаться въ „секту", живо прислушиваться къ революціон ному движенію въ Россіи и откликаться на его запросы".

задачей нашего рабочаго движенія низверженіе самодержавія. Къ сожалѣнію, эти послѣдніе были въ меньшинствѣ; большинство же нашей соціальдемократической интеллигенціи продѣлывало тогда свой поворотъ къ „экономизму“.

IV

Такимъ образомъ, и передовыя соціальдемократическія группы, и руководящая литература 1896-97 гг. считали борьбу съ самодержавіемъ главнѣйшей ближайшей задачей рабочаго движенія, и при этомъ исходили не изъ отвлеченныхъ какихъ-нибудь принциповъ, а именно изъ анализа самодержавнаго строя.*) И въ высшей степени интересно, что какъ разъ эта эпоха завершилась одной изъ наиболѣе крупныхъ уступокъ, которую удалось рабочимъ вырвать изъ рукъ правительства, между тѣмъ какъ 1898 — 1900 годы, т. е. годы расцвѣта „экономической“ тактики, когда впервые заговорили о легализаціи рабочаго движенія въ предѣлахъ самодержавія, не принесли рабочимъ ничего, кромѣ слащаво-усыпительныхъ обѣщаній господъ „экономистовъ“. И точно также замѣчательно, что объ уступкахъ правительство снова заговорило теперь, когда нашъ пролетаріатъ вновь сталъ просыпаться, когда политическія стремленія его сказываются все ярче и ярче.

Въ этомъ новомъ начинающемся фазисѣ борьбы агитація въ пользу чисто-пролетарскихъ требованій, какъ свобода стачекъ, свобода собраній и свобода союзовъ будетъ играть не послѣднюю роль. Не забудемъ, что „Россія — единственная въ Европѣ страна, въ которой современная крупно-капиталистическая промышленность и пролетаріатъ развиваются при господствѣ самодержавія.“ Свойственныя крупному капиталистическому хозяйству формы эксплуатаціи рабочихъ вызываютъ непреодолимую потребность въ отпорѣ соединенными силами, но произволъ и безправіе губятъ въ зародышѣ всѣ попытки общественной самопомощи.

---

*) Правда, Мартыновъ въ упомянутой уже статьѣ увѣряетъ насъ, что „читая пропагандистскую литературу, издававшуюся у насъ въ 95 — 97 гг., мы замѣчаемъ, что она занимается лишь толкованіемъ частныхъ экономическихъ явленій и частныхъ эпизодовъ изъ экономической борьбы русскаго пролетаріата“, но изъ приведенныхъ выше примѣровъ, число которыхъ мы могли бы еще порядочно увеличить, читатель могъ убѣдиться, что литература 95 — 97 гг. меньше всего занималась подобнымъ толкованіемъ.

„Крупная промышленность — говоритъ Марксъ — скопляетъ въ одномъ мѣстѣ массу неизвѣстныхъ другъ другу людей. Конкурренція разъединяетъ ихъ интересы. Но охрана заработной платы отъ паденія, — этотъ общій имъ всѣмъ и противоположный хозяйскому интересъ, — соединяетъ рабочихъ на одной и той же мысли сопротивленія: коалиціи. Такимъ образомъ, коалиція всегда имѣетъ двойную цѣль: прекратить конкурренцію между рабочими, чтобы быть въ состояніи общими силами конкуррировать съ капиталистомъ. Если первой цѣлью сопротивленія являлось лишь поддержаніе заработной платы, то потомъ, по мѣрѣ объединенія самихъ капиталистовъ на идеѣ обузданія рабочихъ, отдѣльныя коалиціи этихъ послѣднихъ формируются въ группы и, въ виду всегда объединеннаго капитала, сохраненіе союза становится для нихъ необходимѣе самой охраны заработной платы отъ паденія. До какой степени это вѣрно, показываетъ тотъ фактъ, что рабочіе, къ крайнему удивленію англійскихъ экономистовъ, жертвуютъ значительной частью своей заработной платы въ пользу союзовъ, основанныхъ, по мнѣнію этихъ экономистовъ, лишь ради заработной платы. Въ этой борьбѣ — настоящей междоусобной войнѣ — соединяются и развиваются всѣ необходимые элементы будущихъ битвъ. Дойдя до этой ступени, коалиція принимаетъ политическій характеръ“.*)

Мы въ Россіи имѣемъ крупную промышленность, но наши рабочіе не имѣютъ коалицій. Тѣмъ страстнѣе они къ нимъ стремятся. Для нихъ дѣло идетъ не о сохраненіи союзовъ, а всего только о завоеваніи права на ихъ устройство. Но уже теперь эти несуществующія еще у насъ коалиціи принимаютъ политическій характеръ, такъ какъ ихъ отсутствіе ощущается очень сильно и вызываетъ большія страданія. У рабочихъ при этомъ остается одинъ выходъ — борьба за политическую свободу.

Въ этой борьбѣ знакомство съ ролью рабочихъ союзовъ на западѣ, съ ихъ задачами и стремленіями, съ ихъ устройствомъ и современнымъ положеніемъ, — знакомство, которое читатель почерпнетъ изъ предлагаемой книжки Шиппеля, дастъ новое оружіе для агитаціи въ широкой массѣ.

августъ 1901 г. **Д. КОЛЬЦОВЪ.**

---

*) К. Марксъ. Нищета философіи, стр. 145.

ПРОФЕССІОНАЛЬНЫЕ
СОЮЗЫ РАБОЧИХЪ

Профессіональные Союзы Рабочихъ

I.

„Цѣнность *человѣка*, какъ и цѣнность всякаго другаго товара, выражается въ его *цѣнѣ*, т. е. въ суммѣ, уплачиваемой за *потребленіе его рабочей силы*“. Таково вполнѣ вѣрное опредѣленіе положенія человѣческаго *труда въ капиталистическомъ обществѣ*, сдѣланное еще Томасомъ Гоббсомъ, однимъ изъ старѣйшихъ экономистовъ и наиболѣе выдающихся философовъ Англіи.

У этой рабочей силы нѣтъ орудій производства, съ помощью которыхъ старинный крестьянинъ производилъ предметы для самого себя, а средне-вѣковый мастеръ для мѣстнаго рынка. Для того, чтобы быть въ состояніи производить и жить, она принуждена, поэтому, искать капиталиста, обладающаго средствами, необходимыми для производства, т. е. сырьемъ и орудіями труда.

Эта рабочая сила *свободна:* подобно тому какъ всякій другой товаръ можетъ быть направленъ въ то мѣсто, гдѣ онъ лучше оплачивается, можетъ выжидать болѣе благопріятнаго времени для продажи, можетъ пользоваться всѣми не запрещенными уголовнымъ законодательствомъ средствами для вліянія на цѣны, точно также и собственникъ рабочей силы долженъ быть свободенъ и имѣть такія же права, какъ и капиталистическій покупатель рабочей силы, иначе нормальное отношеніе покупателей къ продавцамъ извращается во вредъ одного класса, а *рабочая сила* изъ обыкновеннаго товара превращается въ *товаръ, угнетаемый государствомъ.*

Однако то, что указанный мыслитель такъ ясно разглядѣлъ уже болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ, при слабомъ еще мерцаніи едва занимавшейся тогда зари капиталистической эры, еще и нынѣ не стало полной дѣйствительностью. Пока классъ, работающій по найму, еще малочисленъ, пока рабочій рынокъ наполняется медленно, главнымъ образомъ притокомъ лишеннаго своей собственности и прогнаннаго изъ деревни крестьянства, пока элементы, оторванные отъ стараго способа производства, не приспособились еще къ новому общественному строю, до тѣхъ поръ и государственная власть свирѣпствуетъ противъ свободы продавцовъ рабочей силы. Такъ, напримѣръ, она запрещала выселенія изъ страны и оказывала всякую поддержку переселяющимся въ страну иностранцамъ; преміями и уменьшеніемъ налоговъ поощрялось заключеніе браковъ и рожденіе дѣтей, какъ законныхъ, такъ иногда даже и незаконныхъ — и все это главнымъ образомъ для того, чтобы рынокъ оставался переполненнымъ, чтобы предложеніе труда было возможно больше. Террористическіе законы, которые по своей ужасающей жестокости нынѣ кажутся намъ невѣроятными, имѣли цѣлью „силою вогнать“ подъ иго наемнаго рабства и „примучить“ къ нему крестьянство, насильственно лишенное своей собственности, еще сопротивляющееся непривычной зависимости и превращенное въ толпу бродягъ. Такъ какъ достигнутая этимъ способомъ эксплуатація все еще не въ состояніи была утолить жажду барыша, свойственную юному капитализму, то на сцену выступали новые законы о заработной платѣ, новое *регулированіе заработка*, способствовавшее *удлиненію рабочаго дня, пониженію платы за него* и усиленію покорности рабочаго.

Въ Англіи первый законъ 1349 г. устанавливаетъ *высшую* величину заработной платы, но ни словомъ не заикается о *низшемъ* ея предѣлѣ. Въ XVI столѣтіи, какъ извѣстно, положеніе рабочихъ ухудшилось. Денеж-

ная заработная плата повысилась, но не въ такой степени, какъ пала цѣнность денегъ и какъ повысились соотвѣтственно съ этимъ цѣны товаровъ. Въ дѣйствительности, слѣдовательно, заработная плата упала. Тѣмъ не менѣе, продолжали существовать законы, имѣвшіе цѣлью ея пониженіе, продолжали существовать и отрѣзываніе ушей и клеймленіе тѣхъ, „кого никто не хотѣлъ брать въ услуженіе“. Законъ объ ученичествѣ, изданный въ 3-ій годъ царствованія Елисаветы, уполномачивалъ мировыхъ судей установить извѣстную заработную плату и видоизмѣнять ее сообразно времени года и цѣнамъ товаровъ. Яковъ I распространилъ это регулированіе труда на ткачей, прядильщиковъ, и на всѣ возможныя категоріи рабочихъ; Георгъ II распространилъ законы противъ союзовъ на всѣ мануфактуры. Хотя мануфактурный періодъ въ достаточной мѣрѣ усилилъ капиталистическій способъ производства, такъ что законодательное регулированіе стало непримѣнимо, да и излишне, все таки сохранилась склонность прибѣгать къ старымъ средствамъ въ случаѣ нужды. Еще Георгъ II запретилъ платить подмастерьямъ-портнымъ въ Лондонѣ и окрестностяхъ больше 2 шиллинговъ $7^1/_2$ пенсовъ въ день, исключая случаи всеобщаго траура; еще Георгъ III поручилъ мировымъ судьямъ регулированіе заработной платы ткачей шелковыхъ матерій; еще въ 1796 году пришлось прибѣгнуть къ двумъ постановленіямъ высшихъ судебныхъ учрежденій для рѣшенія вопроса о томъ, обязательны-ли и для неземледѣльческихъ рабочихъ приказы мировыхъ судей, касающіеся заработной платы; еще въ 1799 г. парламентскимъ постановленіемъ было подтверждено, что заработная плата шотландскихъ рудокоповъ регулируется указомъ временъ Елисаветы и двумя актами 1661 и 1671 годовъ“.[1])

Всѣ эти постановленія только тогда потеряли свою

[1]) Марксъ, Капиталъ т. I, стр. 770-71 нѣм. изданія.

силу, когда образовалась огромная, ставшая постоянной составной частью современнаго общества, промышленная резервная (запасная) армія, которая въ изобиліи удовлетворяетъ спросу на рабочія руки даже въ эпохи лихорадочнаго расширенія производства и напряженія производительныхъ силъ. „Такіе парламентскіе акты", — писалъ одинъ тори въ 1850 году, — „которые регулировали заработную плату въ интересахъ нанимателей *противъ интересовъ рабочихъ*, издавались въ теченіе долгаго періода въ 464 года. Населеніе росло. Прежніе законы стали излишни и тягостны. Прежде бѣдняки требовали столь *высокой* заработной платы, что они угрожали промышленности и богатству. Теперь ихъ плата до того *низка*, что она опять таки угрожаетъ промышленности и богатству и, вѣроятно, въ болѣе сильной степени, чѣмъ прежде. Законодательство всегда было готово вступиться за интересы работодателей. А въ защитѣ интересовъ работника оно безсильно?"[2]) Въ какой степени измѣнились эти отношенія въ концѣ XVIII-го и началѣ XIX-го столѣтія, показало въ особенности сдѣланное въ парламентѣ Уайтбрэдомъ предложеніе (1796) объ установленіи путемъ закона низшаго предѣла заработной платы для обширнаго слоя рабочихъ, именно рабочихъ земледѣльческихъ, въ виду того что — какъ долженъ былъ признать Питтъ, — „положеніе этихъ бѣдняковъ ужасно". Наконецъ, въ 1813 году законы о регулированіи заработной платы были окончательно сданы въ архивъ.

Въ *Германіи* послѣ тридцатилѣтней войны часто издавались постановленія, имѣвшія цѣлью *удержать на низкомъ уровнѣ* заработную плату. „Для помѣщиковъ былъ очень чувствителенъ *недостатокъ* въ прислугѣ и въ рабочихъ на слабо населенной землѣ. Всѣмъ поселянамъ было запрещено отдавать въ наймы комнаты холостымъ мужчинамъ и женщинамъ; о всѣхъ подоб-

[2]) Sophisms of Free Trade. Лондонъ 1850. Цитировано у Маркса.

ныхъ пришельцахъ необходимо было объявлять начальству, которое запирало ихъ въ тюрьмы, если они не желали поступить на службу къ помѣщику, даже въ томъ случаѣ, если они зарабатывали себѣ пропитаніе другимъ путемъ, если, напримѣръ, служили поденщиками у крестьянъ или даже торговали деньгами и хлѣбомъ (Императорскія привилегіи и постановленія для Силезіи, I. 125). Въ продолженіе цѣлаго столѣтія въ указахъ государей повторяются горькія жалобы на злостное и упрямое мужичье, не желающее подчиниться тяжелымъ условіямъ, не желающее примириться съ установленной закономъ заработной платой; отдѣльнымъ помѣщикамъ *запрещено давать больше*, чѣмъ установлено таксой для данной области" (Густавъ Фрейтагъ).

Въ *Саксоніи* правительство и рыцари въ деревнѣ и патриціатъ господствовавшій въ городахъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій состязались въ пониженіи заработной платы при помощи указовъ и законодательнаго вмѣшательства. Такъ, напр., Совѣтъ города Лейпцига еще въ 1814 г. выступаетъ противъ безпутной сволочи, стыдящейся работы, бросающей службу и охотнѣе предающейся „грѣховному и безпорядочному образу жизни, обжорству, пьянству и блуду". Для оживленія прилежанія къ труду употребляются тюрьма и каторга. Когда смуты семилѣтней войны и разстройство монетной системы вызвали повышеніе заработной платы, то правительство приказало „установить" заработную плату ремесленниковъ и рабочихъ „въ пропорціи, соотвѣтствующей дешевизнѣ и новой пробѣ серебряныхъ денегъ". Это регулированіе заработной платы тяжело отозвалось на дрезденскихъ каменьщикахъ и плотникахъ. До опубликованія таксы они получали лѣтомъ по 9 грошей въ день, зимою по 8 грошей; такса же понизила ихъ поденную плату на 2 гроша. Но кромѣ того на обоихъ этихъ ремеслахъ лежала тяжелая обязанность ежегодно работать отъ 4 до 8 недѣль на королевскій дворъ за поденную плату въ 4 гроша. По вычисленіямъ одного

городскаго архитектора, каменьщику и плотнику нужно было въ Дрезденѣ расходовать на свое пропитаніе 1 талеръ 9 грошей 3 пфеннига въ недѣлю, а его заработная плата составляла 1 талеръ 12 грошей; ему оставалось слѣдовательно 5 грошей 9 пфениговъ на покупку инструментовъ, на прокормленіе жены и дѣтей, на уплату налоговъ, податей, на наемъ квартиры, покупку и починку платья для себя и для дѣтей. „Поэтому, если работникъ не хочетъ, чтобъ его семья страдала отъ нужды, онъ долженъ всю недѣлю питаться хлѣбомъ и водой. Это не придаетъ силы, и хозяинъ чувствуетъ это впослѣдствіи при работѣ.“

Что касается земледѣльческихъ рабочихъ въ Саксоніи, то Вуттке[3]) въ своемъ историческомъ изслѣдованіи приходитъ къ слѣдующему выводу. Отъ указа къ указу *гнетъ*, причиняемый *законодательствомъ*, усиливался; приказъ 1766 г. и правила о наймѣ на работу 1769 г. являются крайними точками этого движенія. Никогда плата *наемныхъ рабочихъ* не была *такъ низка* по отношенію къ цѣнамъ на хлѣбъ, и хотя помѣщики при повышеніи цѣнъ на хлѣбъ должны были платить все ту же старую плату, они тѣмъ не менѣе продолжали жаловаться на высоту заработной платы и просить у государства установленія таксъ въ интересахъ подъема сельскаго хозяйства и земледѣлія.

II.

Удивительно-ли, что законодательство съ такою безцеремонностью стремившееся къ насильственному пониженію цѣны товара — рабочей силы *далеко за* ея нормальный предѣлъ, опредѣляемый свободнымъ спросомъ и предложеніемъ, — удивительно-ли, что такое законо-

[3]) Данныя относительно Саксоніи см. у Вуттке, Gesindeordnungen und Gesindezwangsdienst in Sachsen. Лейпцигъ 1893 г. стр. 145-166.

дательство прежде всего боится *союзовъ* продавцовъ этого опальнаго товара и стремится ихъ запретить?

Правда, что эти запрещенія союзовъ распространялись и на работодателей и даже на *всѣхъ* покупателей и продавцовъ. Въ особенности, часто прибѣгали къ общимъ ограниченіямъ хозяйственныхъ соединеній, изъ боязни возникновенія новыхъ цеховъ въ нѣдрахъ завоеванной долгой борьбой конкурренціи. Однако, всѣ эти постановленія оставались на бумагѣ и только тамъ получали дѣйствительное значеніе, гдѣ они стремились сковать свободу дѣйствія *рабочаго класса*.

Въ *Англіи* въ восемнадцатомъ столѣтіи запрещеніе союзовъ первоначально носитъ характеръ случайный; большею частью это дѣлается мимоходомъ, въ связи съ другими постановленіями, касающимися промышленности, и каждый разъ для особой, въ данный моментъ наиболѣе „угрожаемой“ отрасли. Такія отдѣльныя запрещенія были изданы: въ 1720 году для портныхъ, въ 1725 — для суконщиковъ, въ 1749 году для красильщиковъ, валяльщиковъ, и для всѣхъ лицъ, занятыхъ производствомъ шляпъ, шерстянныхъ, полотняныхъ и хлопчатобумажныхъ матерій, производствомъ издѣлій изъ желѣза, кожи, изъ шкуръ животныхъ, пеньки и льна, а также для лицъ, занятыхъ на бумажныхъ фабрикахъ. А послѣ этого въ 1799 году былъ проведенъ законъ, который имѣлъ цѣлью задавить всѣ попытки образованія рабочихъ союзовъ и подвергнуть преслѣдованію ихъ имущество. Этотъ послѣдній законъ былъ въ 1800 г. замѣненъ болѣе обширнымъ, еще болѣе жестокимъ, угрожавшимъ *каторжной работой* за всякія совмѣстныя обсужденія, собранія и союзы, которые будутъ имѣть цѣлью стремленіе къ улучшенію заработной платы. Напротивъ, союзамъ *работодателей* грозилъ всего лишь *денежный штрафъ*.[4])

[4]) Брентано, статья о рабочихъ союзахъ (Gewerkvereine) въ Handwörterbuch für Staatswissenschaften.

Подъ вліяніемъ французской революціиго сподствующіе классы Англіи стали очень сильно опасаться всякихъ союзовъ людей, принадлежавшихъ къ „простому народу“. Къ этому всеобщему страху, какъ бы непокорность не превратилась въ возстаніе, примѣшивалось еще нерасположеніе капиталистовъ къ высокой заработной платѣ и отвращеніе политиковъ къ демократическимъ учрежденіямъ. Какъ разсказываетъ Фрэнсисъ Плэсъ, законы о союзахъ (коалиціяхъ) „считались абсолютно необходимыми, для того, чтобы помѣшать пагубнымъ вымогательствамъ со стороны рабочихъ, которые разорили бы все національное производство, всѣ фабрики, всю торговлю и земледѣліе, еслибы не удерживались въ своихъ границахъ этимъ способомъ. Это приводило къ тому заключенію, что рабочіе — безсовѣстнѣйшіе изъ всѣхъ людей. Отсюда постоянное недоброжелательство, недовѣріе и рѣшительно во всемъ проглядывающее враждебное отношеніе рабочихъ къ нанимателямъ, и нанимателей къ рабочимъ. Это невѣрное мнѣніе было такъ сильно распространено, что, когда рабочіе привлекались къ отвѣтственности, за то, что они организовались съ цѣлью измѣнить условія заработной платы или рабочаго времени, и когда имъ выносился за это обвинительный приговоръ, никто не проявлялъ ни малѣйшаго участія къ несчастнымъ, какъ бы ни было тяжело наказаніе и какъ бы строго оно не примѣнялось. Добиться справедливости для нихъ не было никакой возможности: только въ рѣдкихъ случаяхъ они выслушивались судьями, да и то никогда дѣло не обходилось безъ признаковъ нетерпѣнія и безъ оскорбленій.“

Уайтъ и Гинсонъ сравнили дѣйствіе закона 1800 года на молодое производство волокнистыхъ издѣлій, подвергавшееся особенно сильнымъ преслѣдованіямъ съ „огромнымъ жерновомъ на шеѣ рабочаго, обременяющимъ его и тянущимъ его къ землѣ. При каждомъ шагѣ, который онъ пытался сдѣлать, при каждой мѣрѣ, которую

онъ придумывалъ для сохраненія или повышенія своей заработной платы, ему заявляли, что это незаконно. Вся общественная власть въ его округѣ была направлена противъ него, якобы потому что онъ поступаетъ незаконно. Судьи, полагавшіе, что они поступаютъ согласно съ законами, когда содѣйствуютъ удержанію заработной платы на низкомъ уровнѣ и препятствуютъ образованію союзовъ, почти всегда въ каждой попыткѣ рабочаго улучшить свое положеніе или подняться на высшую ступень общественной лѣстницы видѣли родъ бунта и возстанія противъ правительства. На каждый комитетъ и на всѣхъ дѣятельныхъ членовъ въ рядахъ рабочихъ смотрѣли какъ на мятежныхъ, опасныхъ зачинщиковъ, за которыми надо слѣдить и которыхъ слѣдуетъ по возможности уничтожить". Вотъ нѣкоторые примѣры, приводимые въ книгѣ Сиднея Уэбба: Изъ показаній, сдѣланныхъ Юмовскому комитету, обнаружилось, что въ 1818 г. нѣкоторые владѣльцы фабрикъ въ Больтонѣ совѣтовали ткачамъ соединиться для того, чтобы всѣмъ вмѣстѣ прекратить работу у всѣхъ тѣхъ фабрикантовъ, у которыхъ плата была ниже текущаго тарифа. Въ виду этого состоялась сходка сорока уполномоченныхъ и на этой сходкѣ было рѣшено требовать вездѣ такого повышенія, на какое уже согласились лучшіе изъ предпринимателей. Черезъ двѣ недѣли послѣ этого былъ арестованъ предсѣдатель и оба секретаря того собранія, обвинены въ заговорѣ и приговорены къ одному и двумъ годамъ тюремнаго заключенія, хотя ихъ наниматели высказались на судѣ въ пользу обвиняемыхъ, заявивъ, что они сами пригласили ихъ устроить сходку и одобрили принятыя тамъ рѣшенія. Въ слѣдующемъ году 15 манчестерскихъ ткачей, собравшихся на основаніи опредѣленныхъ „статей", принятыхъ въ 1797 году однимъ участковымъ судомъ, съ цѣлью собрать взносы, предназначенные на „похороны ихъ покойниковъ", были арестованы полиціей въ комитетской комнатѣ и преданы суду по обвиненію въ заговорѣ, причемъ было

отказано даже въ освобожденіи ихъ на поруки. Послѣ трехъ или четырехъ мѣсяцевъ тюремнаго заключенія они предстали передъ судомъ, и всѣ ученые адвокаты той мѣстности — числомъ семеро — выступали съ исками противъ нихъ. Въ Лондонѣ и другихъ городахъ (со включеніемъ города Иннъ въ Норфолькѣ) были устроены денежные сборы для покрытія расходовъ по ихъ защитѣ. Объявленіе ихъ клуба обществомъ взаимопомощи принесло имъ мало пользы. На судѣ было заявлено, что „всѣ союзы, будь то общества взаимопомощи или нѣтъ, служатъ англійскому народу лишь предлогомъ для заговоровъ противъ государства“, и большинство обвиняемыхъ было приговорено къ тюремному заключенію... Кто внимательно изучитъ газеты 1800-1824 годовъ, тотъ найдетъ въ докладахъ богатый матеріалъ судебныхъ варварствъ, примѣромъ которыхъ могутъ служить вышеприведенные случаи. Нѣтъ статистики числа преслѣдованій или высоты наказаній, но изъ доступныхъ намъ отчетовъ легко объяснить себѣ ту затаенную злобу, съ которой рабочій классъ переносилъ эти законы.

Правда законъ запрещалъ *какъ* союзы *рабочихъ*, такъ и союзы *предпринимателей*. Но даже въ томъ случаѣ, еслибъ это запрещеніе сопровождалось равнымъ наказаніемъ и примѣнялось нелицепріятно, то и тогда все еще оставалось бы неравенство, въ виду того что въ новомъ промышленномъ строѣ *отдѣльный предприниматель* замѣняетъ многочисленный *союзъ*. „Каждый мастеръ“, — говорилъ лордъ Джеффей — „могъ во всякое время уволить всѣхъ своихъ рабочихъ — будь ихъ 100 или 1000 — если они не соглашались принять ту плату, которую ему угодно было имъ предложить. Рабочимъ же вмѣнялось въ преступленіе, если они всѣ вмѣстѣ покидали этого самого мастера, когда онъ отказывался платить имъ ту плату, какой они желали.“

Но кромѣ того и примѣненіе закона было самое пристрастное. „Молчаливый, но постоянный“ союзъ пред-

принимателей съ цѣлью пониженія заработной платы, на который указываетъ Адамъ Смитъ, былъ неуловимъ для закона. Точно также у полицейскихъ или у обыкновенныхъ судей было мало склонности признать вину хозяевъ даже въ случаяхъ очевиднаго или признаннаго существованія у нихъ союзовъ. „Ни одинъ человѣкъ не поднялъ обвиненія противъ хозяевъ — ножевщиковъ, которые совершенно открыто основали въ 1814 году „Scheffield Mercantile and Manufacturing Union“ (Шеффильдскій торговый и мануфактурный союзъ), главнѣйшее постановленіе котораго состояло въ томъ, что ни одинъ купецъ или фабрикантъ, — подъ угрозой штрафа въ 100 фунтовъ стерлинговъ за нарушеніе этого противозаконнаго договора, — не имѣлъ права платить за приготовленный въ Шеффильдѣ предметъ высшую заработную плату, чѣмъ было установлено въ предыдущемъ году. За все время преслѣдованій, когда тысячи рабочихъ должны были переносить страданіе за преступленіе, состоявшее лишь въ томъ, что они образовывали союзы, мы *не знаемъ* ни одного случая, когда за то же самое былъ бы наказанъ предприниматель“.[5])

„Во *Франціи* буржуазія имѣла дерзость какъ разъ въ началѣ революціонной бури отнять у рабочихъ только что завоеванное право союзовъ. Постановленіемъ отъ 14-го іюня 1791 года всякій союзъ рабочихъ „объявляется преступленіемъ противъ свободы и декларации человѣческихъ правъ,“ наказуемымъ штрафомъ въ 500 ливровъ и лишеніемъ въ теченіе одного года активныхъ гражданскихъ правъ. Этотъ законъ, который втискивалъ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ удобныя для капитала полицейскія рамки, пережилъ революціи и перемѣну династій. Даже правительство эпохи террора оставило его неприкосновеннымъ. Только весьма недавно онъ былъ вычеркнутъ изъ Code Pénal (Свода

[5]) Сообщенія объ Англіи заимствованы изъ книги Сиднея и Беатриче Уэббъ, Исторія британскаго трэдъ-юніонизма. (Существуетъ русскій переводъ).

уголовныхъ законовъ). Очень *характеренъ предлогъ для* этого буржуазнаго постановленія. „Хотя“, говорилъ докладчикъ *Шапелье*, „желательно, чтобы заработная плата поднялась выше, чѣмъ она стоитъ теперь, чтобы тотъ, который ее получаетъ, могъ выйти изъ той полной зависимости, которая обусловливается отсутствіемъ средствъ къ жизни и которая представляется почти равносильной зависимости раба“, тѣмъ неменѣе рабочіе не имѣютъ права сговариваться о своихъ интересахъ, дѣйствовать сообща и такимъ образомъ уменшить свою „полную зависимость, которая почти равносильна зависимости раба“, такъ какъ этимъ самымъ они нарушатъ свободу своихъ ci-devant maîtres (прежнихъ мастеровъ), теперешнихъ предпринимателей (свободу, состоящую въ томъ, чтобы держать рабочихъ въ рабствѣ!) и такъ какъ союзъ противъ деспотизма прежнихъ цеховыхъ мастеровъ повелъ бы — угадайте, къ чему? — къ возстановленію запрещенныхъ французской конституціей цеховъ!“ [6]) По тому же пути шли и въ послѣдующіе годы. Спеціальная полицейская мѣра противъ рабочихъ бумажной промышленности, опубликованная 16 фруктидора 4 года Республики (2 сентября 1796 г.), ясно обнаруживаетъ ту строгость, съ которой намѣрены были относиться къ союзамъ рабочихъ. Бойкотъ приравнивался къ посягательству на собственность предпринимателя и влекъ за собою соотвѣтствующее наказаніе. Особенно усилены наказанія за образованіе союзовъ закономъ 22-го жерминаля 11 года Республики (12-го апрѣля 1803 года). Законъ этотъ устанавливалъ для работодателей денежный штрафъ въ 100 — 3000 франковъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ тюремное заключеніе до одного года, для рабочихъ же, если была сдѣлана попытка или было приступлено къ выполненію, тюремное заключеніе до трехъ мѣсяцевъ. Въ 1810 году были проведены нѣкоторыя измѣненія: преслѣдованіе союзовъ

[6]) Марксъ, Капиталъ, томъ I.

было установлено статьями 414 — 416 уголовнаго свода, а наказніе усилено; предпринимателямъ грозило тюремное заключеніе отъ 6 дней до одного мѣсяца, а также денежный штрафъ отъ 200 до 300 франковъ, рабочимъ тюремное заключеніе на 1 мѣсяцъ, которое могло быть продолжено до 3 мѣсяцевъ. Но съ наибольшимъ вниманіемъ отнеслись къ вожакамъ (chefs, moteurs): они были надѣлены 2-5 годами тюремнаго заключенія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ еще 2-5 годами полицейскаго надзора... 1849 годъ принесъ равенство наказаній за союзы работодателей и рабочихъ: и за тѣ и за другіе было назначено тюремное заключеніе отъ 6 дней до 3 мѣсяцевъ и штрафъ отъ 16 до 3000 франковъ. Вожаки, — также и принадлежавшіе къ лагерю предпринимателей, — и теперь подвергались 2-5 лѣтнему заключенію. Въ виду состоявшагося уже въ 1810 году запрещенія штрафовъ, вычетовъ и т. под. со стороны работодателей или рабочихъ старыя постановленія остались въ силѣ. Тогдашній докладчикъ законодательнаго собранія, господинъ Ватмениль, привелъ противъ разрѣшенія союзовъ преимущественно два довода. Во первыхъ, союзы, какъ предпринимателей такъ и рабочихъ, насилуютъ свободную конкурренцію, законъ о спросѣ и предложеніи труда. Союзъ рабочихъ по своей сущности есть *угроза* для всѣхъ рабочихъ. Даже самый мирный рабочій принужденъ противъ своего желанія принять участіе въ союзѣ изъ страха или изъ чувства сословной чести. Но кромѣ того, союзы опасны для рабочихъ и для всей промышленности данной страны, такъ какъ они или выгоняютъ промышленность за предѣлы страны, или заставляютъ замѣнить рабочихъ машинами либо рабочими руками вывезенными изъ другихъ странъ.[7])

Несчастная, раздробленная на множество мелкихъ государствъ *Германія* обнаруживаетъ въ началѣ 19-го

[7]) Статья Штиды о коалиціяхъ, помѣщенная въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften.

столѣтія такое изобиліе отсталыхъ формъ производства, старомодно кичурныхъ постановленій объ ученичествѣ, о свидѣтельствахъ о поведеніи и о путешествіяхъ, такую кучу всевозможныхъ полицейскихъ ограниченій даже самыхъ обыденныхъ гражданскихъ правъ, что о союзахъ рабочихъ едва-ли можетъ идти рѣчь даже тамъ, гдѣ принципъ свободы промышленности былъ признанъ законодательствомъ. При каждомъ удобномъ случаѣ весьма недвусмысленными угрозами въ сильной мѣрѣ подчеркивается безправіе „подмастерьевъ.“ Такъ, уже почтенный имперскій цеховой уставъ 1731 года грозилъ тюрьмой, каторгой, крѣпостью, галерами всѣмъ тѣмъ подмастерьямъ, которые „подъ какимъ нибудь предлогомъ пожелаютъ устроить стачку, соединиться вмѣстѣ, пока не будетъ сдѣлана уступка тому или иному ихъ мнимому требованію или жалобѣ, совершенно откажутся выполнять работу и бросятъ ее скопомъ.“ „На случай дерзкаго упорства и причиненнаго имъ вреда“ было обѣщано даже быстрое переселеніе на тотъ свѣтъ. Пруское право сто лѣтъ тому назадъ запрещало всякіе союзы. Въ Баваріи законъ 1809 года сулилъ за участіе въ союзахъ съ профессіональными стремленіями тюремное заключеніе отъ одного до шести мѣсяцевъ и соотвѣтствующее количество розогъ. Въ 1840 году, 3-го декабря Имперское Союзное Собраніе тоже рѣшилось „принять однородныя мѣры противъ тѣхъ подмастерьевъ, которые провинились противъ законовъ страны, принявъ участіе въ недозволенныхъ союзахъ подмастерьевъ, въ ихъ судахъ, въ бойкотированіи и тому подобныхъ злоупотребленіяхъ“. Правда, отъ вниманія просвѣщеннаго Собранія не укрылось, что большинство отдѣльныхъ государствъ уже имѣетъ соотвѣтствующіе уставы, „но нельзя не признать, что весьма желательно обезпечить за запрещеніями, уже изданными правительствами отдѣльныхъ государствъ или еще подлежащими изданію, такую силу, какой трудно ожидать отъ разрозненныхъ указовъ“. Каждый нака-

занный за участіе въ союзѣ подмастерье отправлялся этапнымъ порядкомъ на родину и тамъ отдавался подъ надзоръ полиціи, причемъ въ его книжкѣ и паспортѣ дѣлалась соотвѣтствующая отмѣтка объ его преступленіяхъ. Ему запрещенъ былъ въѣздъ во всѣ другія союзныя государства; правительства должны были передавать другъ другу черные листы.[8])

Въ Ганноверѣ, 133 параграфъ промышленнаго устава заявляетъ, что участіе въ союзахъ подмастерьевъ и въ нарушающихъ порядокъ предпріятіяхъ наказывается согласно полицейскому уставу, который въ своемъ 57-мъ параграфѣ грозилъ тюремнымъ заключеніемъ до 4 недѣль или денежнымъ штрафомъ до 50 талеровъ всѣмъ тѣмъ подмастерьямъ и другимъ рабочимъ, которые для проведенія своихъ требованій сговорятся прекратить работу, и которые будутъ приглашать къ забастовкѣ или грозить ею.

Даже *вюртембергскій* уставъ 1862 года, который до основанія Сѣверо-Германскаго Союза считался образцомъ свободолюбія, запрещалъ коалиціи, и въ статьѣ 47 опредѣлялъ, что „подмастерья, желающіе принудить хозяевъ къ опредѣленнымъ дѣйствіямъ или уступкамъ, сговариваясь для этого о пріостановкѣ работы у одного или нѣсколькихъ хозяевъ“, подвергаются аресту до четырехъ недѣль или денежному штрафу до 30 гульденовъ въ томъ случаѣ, если уже было приступлено къ выполненію.

Остановимся, однако, на государствѣ, къ которому все болѣе и болѣе переходило экономическое и политическое руководство Германіей. По *прусскому* уставу о промышленности 1845 года всѣ коалиціи, — какъ предпринимателей, такъ и рабочихъ, — подходили подъ дѣйствіе слѣдующихъ параграфовъ.

§ 181. *Промышленники*, которые желаютъ побудить своихъ помощниковъ, подмастерьевъ, рабочихъ, или

[8]) Протоколы Германскаго Союзнаго Собранія. 1840 г. § 310.

должностныхъ лицъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или уступкамъ и для этой цѣли *сговариваются* между собою о *пріостановкѣ производства* или объ *увольненіи* не уступающихъ имъ помощниковъ, подмастерьевъ или рабочихъ, равно какъ и тѣ, которые *приглашаютъ* другихъ принять участіе въ такомъ соглашеніи, подвергаются тюремному заключенію не свыше одного года.

§ 182 *Помощники, подмастерья и фабричные рабочіе*, желающіе побудить промышленниковъ или ихъ должностныхъ лицъ къ извѣстнымъ дѣйствіямъ или уступкамъ и для этой цѣли сговаривающіеся *пріостановить работу* или помѣшать ей у одного или нѣсколькихъ промышленниковъ, или же *приглашающіе* другихъ къ подобному соглашенію, подвергаются тюремному заключенію не свыше одного года.

Это постановленіе примѣняется и къ рабочимъ, работающимъ въ рудникахъ и на горныхъ заводахъ, при постройкѣ шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ, при постройкѣ крѣпостей и на другихъ общественныхъ постройкахъ.

Въ 1854 году противъ сельскихъ рабочихъ и матросовъ былъ изданъ подобный же исключительный законъ или, вѣрнѣе сказать, еще худшій, такъ какъ промышленный уставъ сохраняетъ по крайней мѣрѣ внѣшнее равенство передъ закономъ, ставя рядомъ съ коалиціями рабочихъ коалиціи „промышленниковъ“. Законъ же 24 апрѣля 1854 года преслѣдуетъ лишь рабочихъ, а коалиціи работодателей остаются нетронутыми. Въ то время, въ эпоху расцвѣта дворянской реакціи, этотъ фиговый листъ, служившій для скрыванія истиннаго намѣренія, считался уже ненужнымъ, хотя при обсужденіи этого закона депутатомъ Брэмеромъ было прямо констатировано, что помѣщики сообща приступили къ пониженію заработной платы. Въ засѣданіи второй палаты 25-го апрѣля 1854 года онъ заявилъ: „Слѣдовало бы принять мѣры къ тому, чтобы работодатели, сговаривающіеся между собою о пониженіи заработной платы,

подлежали тому же наказанію. А между тѣмъ, намеки на такіе сговоры можно замѣтить на уѣздныхъ собраніяхъ Брандебурской провинціи, а на провинціальномъ собраніи 1827 года была даже допущена возможность *принятія* такихъ *рѣшеній* (о пониженіи заработн. платы) въ общиныхъ *собраніяхъ*."

Интересно отмѣтить, что вмѣстѣ съ проектомъ 1854 года обсуждались еще прошенія о введеніи вновь тѣлеснаго наказанія. Въ этихъ прошеніяхъ нѣкоторые землевладѣльцы высказывали такого рода жалобы: „Тѣлесное наказаніе примѣняется только въ рѣдкихъ случаяхъ. Челядь, заслуживающая это наказаніе, всегда упряма, а ее надо укрощать физической силой. Но не говоря уже о томъ, что право такого наказанія несовершенно, такъ какъ оно не существуетъ для человѣка, одареннаго отъ природы небольшой физической силой, надо еще имѣть въ виду, что даже *сильному помѣщику* невозможно будетъ примѣнять это наказаніе вполнѣ сообразно съ „предписаніемъ". Вѣдь очень легко можетъ случиться, что помимо воли помѣщика несчастный ударъ попадетъ въ другое мѣсто и навлечетъ на *невиннаго* наказаніе за тѣлесное поврежденіе."[9])

Таковы то были прусскіе борцы противъ коалицій.

III.

Почти всѣ современныя государства имѣютъ въ своемъ прошломъ богатый опытъ на счетъ вліянія подобныхъ законовъ, и этотъ историческій опытъ вездѣ показалъ, что подобными исключительными мѣропріятіями можно нанести тяжелый ударъ отдѣльнымъ рабочимъ, иногда даже сжить ихъ совершенно со свѣту, но никоимъ образомъ не удается этимъ путемъ удержать рабочій классъ отъ совмѣстной защиты своихъ экономическихъ интересовъ.

[9]) Объ исторіи закона 1854 года смотри рѣчь доктора Бекера изъ Дортмунда въ прусской палатѣ депутатовъ 11-го февраля 1865 года.

Живое движеніе постоянно сноситъ всѣ встрѣчаемые на пути преграды. То сами власти все чаще и чаще отказываются прибѣгать къ находящейся въ ихъ распоряженіи силѣ; то союзы организуются втайнѣ и своей дѣятельностью поражаютъ неподготовленныхъ предпринимателей сильнѣе, чѣмъ въ томъ случаѣ, еслибы возможны были предварительные открытые переговоры и и болѣе близкое знакомство другъ съ другомъ. Экономическое развитіе постепенно превратило *массу* населенія въ наемныхъ рабочихъ. Крупная промышленность стягиваетъ разрозненныхъ прежде рабочихъ въ одну мастерскую, въ городскіе центры, въ цѣлыя области съ одинаковымъ производствомъ. Правда, конкуренція заставляетъ рабочихъ бороться другъ противъ друга, дѣлаетъ одного рабочаго, въ борьбѣ за мѣсто и плату, врагомъ другого. Однако, общность интересовъ рабочихъ передъ лицомъ предпринимателей, совмѣстное сопротивленіе ихъ угнетателямъ, общее стремленіе къ лучшему образу жизни получаетъ все большій и большій перевѣсъ. „Чѣмъ болѣе развивается современная промышленность и конкуренція, тѣмъ чаще появляются элементы, вызывающіе возникновеніе коалицій и содѣйствующіе ихъ успѣху. Какъ только коалиціи стали экономическимъ *фактомъ*, съ каждымъ днемъ встрѣчая все болѣе твердую почву подъ своими ногами, то недалеко уже то время, когда онѣ станутъ и *законнымъ* фактомъ. Коалиціи рабочихъ всегда развивались и росли вмѣстѣ съ развитіемъ и ростомъ современной промышленности. Это до такой степени очевидно въ настоящее время, что степенью развитія коалицій въ данной странѣ опредѣляется также то мѣсто, которое эта страна занимаетъ въ іерархіи всемірнаго рынка. Англія, гдѣ промышленность сильнѣе всего развита, обладаетъ также наиболѣе обширными и наилучше организованными союзами.“ [10])

[10]) Марксъ въ 1847 году въ Нищетѣ Философіи. Смотри русскій переводъ.

Несмотря на терроръ, практиковавшійся въ Англіи въ началѣ прошлаго столѣтія и сильно напоминавшій эпоху германскаго исключительнаго закона противъ соціалистовъ, Уэббъ указываетъ на цѣлый рядъ союзовъ и клубовъ, которые существовали въ то время и дѣятельность которыхъ вовсе не ограничивалась „совмѣстной пріятельской выпивкой“. Какъ каждая эпоха геройской борбы противъ преслѣдованій, такъ и этотъ періодъ можетъ указать свои тайныя организаціи и связанныя съ ними романтическія легенды. Еще лѣтъ двадцать тому назадъ рабочіе разсказывали, какъ они въ своей молодости закапывали книги и протоколы своего ремесленнаго союза въ больтонскихъ болотахъ Ланкашира, какъ, при пріемѣ въ союзъ, давались самыя ужасныя клятвы, и какъ рабочіе отправлялись на каторгу только за то, что доставляли рабочимъ, жившимъ въ другомъ городѣ, письмо съ просьбой о поддержкѣ. Какъ мы сказали, все это, вѣроятно, изукрашено фантазіей, любимой спутницей всѣхъ народныхъ преданій, но даже такой трезвый наблюдатель, какъ Гоуэль, слѣдующимъ образомъ судитъ о томъ времени: „Исторія этихъ преслѣдованій и борьбы, лишенія, перенесенныя рабочими для сохраненія своей независимости, — все это представляетъ картину настоящаго героизма. Хотя преслѣдованія были такъ жестоки, законы такъ враждебны и наказанія за ихъ нарушенія такъ ужасны, все таки эти люди продолжали организовываться. Имъ приходилось отвоевывать каждый шагъ впередъ, пока послѣ безконечной борьбы они не приблизились къ побѣдѣ“.[11])

Эту побѣду принесъ англійскимъ рабочимъ *законъ 1824 года*, первый законъ въ Европѣ, который вернулъ свободу коалицій и который, вмѣстѣ съ именами его иниціаторовъ, Фрэнсиса Плэса и Джозефа Юма, оста-

[11]) Howell, The conflicts of capital and labour. London 1870. — По нѣмецки переработана Э. Гюго подъ названіемъ: Die englische Gewerkvereinsbewegung.

нется незабвеннымъ въ соціальной исторіи современнаго культурнаго міра. А между тѣмъ, принятіе этого закона было, можно сказать, парламентскою неожиданностью, и уже въ слѣдующемъ году волна реакціи отняла назадъ часть этого пріобрѣтенія. Быстрый ростъ числа ремесленныхъ обществъ испугалъ общественное мнѣніе, которое еще долго не могло примириться съ новымъ порядкомъ. Въ 1830, 1838 и 1856 гг. можно было опасаться тяжелыхъ ударовъ со стороны реакціоннаго правительства и парламентскихъ коммиссій. Англійскіе судьи обнаружили удивительную находчивость въ примѣненіи всевозможныхъ уголовныхъ законовъ къ рабочимъ, организовывавшимся въ союзы. Предпринимательская пресса была переполнена гнусными доносами. Въ 1851 году христіанскіе соціалисты, затѣмъ въ 1859-60г. „*Общество поощренія соціальныхъ наукъ*“, опубликовавшее очень цѣнный отчетъ о трэдъ-юніонахъ, сильно содѣйствовали выясненію и справедливому отношенію къ этимъ организаціямъ, бывшимъ предметомъ такого же долгаго спора. Въ 1866 году, когда рядъ насильственныхъ дѣйствій, — особенно въ Шеффильдѣ, издавна извѣстномъ буйными нравами своихъ жителей, — вызвалъ шумное негодованіе, судьба коалиціоннаго права опять висѣла на волоскѣ. Почти въ тоже время постановленіе суда Королевской Скамьи уничтожило прежній обычай, который давалъ возможность пользоваться закономъ 1855 года о вспомогательныхъ кассахъ для обезпеченія имущества ремесленныхъ союзовъ. „Трэдъ-юніонизмъ, подвергшись нападенію съ обѣихъ сторонъ, находился въ очень затруднительномъ положеніи. Легко было предвидѣть, что предприниматели и ихъ союзники сдѣлаютъ рѣшительный шагъ и воспользуются королевской коммиссіей (тогда назначенной) и Шеффильдскими насиліями для уничтоженія трэдъ-юніоновъ съ помощью уголовнаго законодательства. Съ другой стороны, собранные съ большимъ трудомъ капиталы большихъ союзовъ, достигавшіе въ то время уже

четверти милліоновъ фунтовъ стерлинговъ (около 2½ милліоновъ рублей) находились въ рукахъ цѣлой арміи секретарей и кассировъ, изъ которыхъ каждый могъ безнаказанно расхитить довѣренныя ему суммы".[12]) Однако, гнусная попытка уничтожить трэдъ-юніоны не удалась. „Коммиссія принуждена была признать, что нарушенія закона, подобныя шеффильдскому, прежде встрѣчались у всѣхъ рабочихъ, теперь же не повторяются ни въ какомъ другомъ ремеслѣ и ни въ какомъ другомъ мѣстѣ. Слѣдствіе, которое должно было покрыть позоромъ ремесленные союзы, закончилось къ ихъ славѣ. Выдвинутыя противъ ремесленныхъ союзовъ обвиненія были опровергнуты результатами слѣдствія, и теперь бывшіе обвиняемые въ свою очередь потребовали справедливости. Вмѣсто хитро придуманной и строго проведенной системы подавленія рабочихъ коалицій, чего многіе желали, произошли перемѣны въ совершенно противоположномъ духѣ" (Брентано). Законы 1869, 1871 и 1875-76 годовъ завершили торжество ремесленныхъ союзовъ, признавъ за ними юридическую правоспособность и, слѣдовательно, полную защиту ихъ имущества.

Во *Франціи* запрещеніе явныхъ коалицій рабочихъ постоянно подстрекало ихъ къ устройству тайныхъ организацій. Очень ревностно пользовались также вспомогательными кассами для профессіональныхъ цѣлей. По словамъ Фанъ-денъ Остена, между 1853 и 1862 годами было осуждено не менѣе 3909 рабочихъ за участіе въ 749 коалиціяхъ. Только законы 1864, 1868 и 1884 годовъ дали французскимъ рабочимъ право коалицій. Однако, даже въ послѣднее время предприниматели въ очень многихъ случаяхъ требовали отъ своихъ рабочихъ выступленія изъ ремесленнаго союза подъ угрозой лишенія работы.

Въ *Германіи* право коалицій завоевано сравнительно

[12]) Сидней Уэббъ, стр. 216.

легко и безъ опасныхъ внутреннихъ кризисовъ. Великія событія 1866 и 1870 годовъ принуждали къ однообразному преобразованію гнилыхъ, устарѣвшихъ промышленныхъ уставовъ. Малодушія, удерживающаго въ настоящее время буржуазныя правительства и, еще въ большей мѣрѣ, буржуазныя партіи отъ всякой дальнозоркой либеральной экономической политики, тогда еще не существовало, или же оно отступило на задній планъ передъ сознаніемъ необходимости привязать по возможности всѣ прогрессивные элементы къ политикѣ имперіи.

До образованія новѣйшей имперіи Германія не знаетъ такихъ обширныхъ стачекъ, которыя бросались бы въ глаза всему обществу. Правда, отъ середины и до конца 40-хъ годовъ мы видимъ броженіе среди рабочихъ нѣкоторыхъ отраслей производства: среди желѣзнодорожныхъ рабочихъ, набойщиковъ ситца, типографщиковъ, каменьщиковъ. Но обширныхъ круговъ это движеніе не увлекло. Когда въ 1865 году прусское правительство поручило провинціальнымъ властямъ собрать статистическій матеріалъ о противозаконныхъ коалиціяхъ, то оказлось, что начиная съ 1846 года приходилось среднимъ числомъ меньше трехъ „стачекъ“ на годъ. Высшія числа относились къ 1857 году, когда произошло шесть стачекъ, къ 1864 году, когда ихъ было 10, и къ 1865, когда ихъ было семь; кромѣ того, для трехъ стачекъ, случившихся въ періодъ между 1861 и 1864 годами, не указанъ точно годъ. Это было все. Конечно, эти данныя не отличаются полнотой, но наиболѣе достопримѣчательныя стачки, навѣрное, отмѣчены всѣ. Если приглядѣться поближе, то можно видѣть, что въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ объ обычныхъ въ мелкомъ ремеслѣ спорахъ. „Почти половина всѣхъ стачекъ (23) падаетъ на ремесленниковъ,“ замѣчаетъ министръ торговли графъ фонъ-Иценплитцъ въ своей Запискѣ, поданной прусской палатѣ депутатовъ.[13])

[13]) Третья сессія 1866 года.

„Большинство стачекъ въ самихъ докладахъ названы незначительными; наибольшая ихъ продолжителность — десять дней. Наказанія въ большинствѣ случаевъ, — поскольку объ этомъ имѣются спеціальныя отмѣтки, — не достигали одной недѣли тюремнаго заключенія. Только въ пяти изъ упоминаемыхъ случаевъ тюремное заключеніе продолжалось 14 дней; въ одномъ случаѣ оно продолжалось 4 недѣли, въ одномъ — 16 недѣль и еще въ одномъ — одинъ годъ, причемъ въ двухъ послѣднихъ случаяхъ приговоръ опирался не на §182 общаго устава о промышленности, а на другихъ статьяхъ уголовнаго законодательства. Въ двухъ случаяхъ большое число участниковъ было приговорено къ кратковременному аресту, но всѣ они были освобождены вслѣдствіе Высочайшаго помилованія. Въ виду легкости наказаній мы имѣемъ право заключить, что судьи почти всегда признавали существованіе смягчающихъ обстоятельствъ. Такъ какъ въ такого рода примѣненіи закона замѣчается послѣдовательность, то мы не ошибемся, если будемъ искать смягчающихъ обстоятельствъ не въ отдѣльныхъ лицахъ и не въ случайной обстановкѣ, а въ сужденіи о характерѣ и о справедливости того уголовнаго свода, который приходилось примѣнять.“ Такимъ языкомъ говорило въ то время прусское правительство.

Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, чтобы тягость запрещенія коалицій не ощущалась по временамъ очень сильно. А къ этой тяжести присоединялись еще стѣснительныя ограниченія союзовъ и собраній, что уже съ самаго начала отнимало возможность сговориться о вопросахъ, касающихся заработной платы. Когда въ 1849 году въ Берлинѣ собралось 48 довѣренныхъ отъ типографщиковъ для устройства *„Гутенберговскаго Союза“*, то надзирающій полицейскій чиновникъ въ предложеніи принять уставъ увидѣлъ приглашеніе къ „противозаконнымъ“ дѣйствіямъ, такъ какъ на основаніи § 1 этого устава главная цѣль состояла въ „основаніи и организаціи сердечнаго братскаго союза типографщиковъ

и словолитчиковъ для солидарной защиты другъ друга отъ несправедливости и нужды.[14]) Поэтому, результатомъ съѣзда былъ только протестъ, опубликованный въ берлинскихъ газетахъ. Однако, именно движеніе типографщиковъ показываетъ, какъ перемѣнчива практика прусскихъ властей. Въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ агитація Лассаля дала поводъ правительству спекулировать на ослабленіе оппозиціи прогрессистовъ при помощи самостоятельной рабочей партіи, господа консерваторы иногда считали нужнымъ то здѣсь, то тамъ публично расшаркаться передъ столь долго оставленнымъ безъ вниманія и угнетеннымъ братомъ-работникомъ. Когда въ началѣ 1863 года берлинскіе типографщики обсудили на собраніи вопросъ о заработной платѣ и выбрали тарифную коммиссію, то хотя берлинская газета „Reform“ и сдѣлала доносъ на этотъ союзъ, но въ полицейскихъ участкахъ и въ судебныхъ камерахъ никто даже и не пошевелился. Надо сказать правду: правительству было бы трудно вмѣшаться, такъ какъ соглашеніе между хозяевами о непріятныхъ для нихъ подмастерьяхъ состоялось еще болѣе открыто. Но правительство пошло еще дальше: когда союзъ подмастерьевъ послалъ къ министру внутреннихъ дѣлъ коммиссію изъ четырехъ членовъ для подачи прошенія о разрѣшеніи коалицій, то министръ Эйленбургъ принялъ ихъ „очень любезно и увѣрилъ депутацію въ искреннѣйшемъ сочувствіи правительства“.[15]) Во время стачки ткачей на фабрикѣ депутата-прогрессиста Райхенгейма расположеніе министерства Бисмарка къ рабочимъ достигло крайнихъ предѣловъ: даже вопросъ о государ-

[14]) Iahn, Die Organisation der Prinzipale und Gehilfen im Deutschen Buchdruckergewerbe. (Организація хозяевъ и подмастерьевъ въ типографскомъ дѣлѣ въ Германіи).

[15]) Der Verein Berliner Buchdrucker und Schriftgiesser. Rückblicke auf die Zeit von 1862 bis 1887. Berlin 1886, S. 11. (Союзъ берлинскихъ типографщиковъ и словолитчиковъ. Обзоръ періода отъ 1862 до 1887 г.).

ственной помощи производительнымъ товариществамъ былъ объявленъ достойнымъ разсмотрѣнія, и прогнанный Райхенгеймомъ ткачъ Пауль получилъ не только доступъ въ королевскія палаты, но даже наличныя деньги изъ королевской шкатулки, для того, чтобы, пострадавъ отъ тираніи прогресистовъ, онъ могъ пріютиться въ какой-нибудь ассоціаціи.

Теперь впервые начинается оживленная агитація въ пользу отмѣны запрещенія коалицій. Руководителями и тутъ, повидмому, являются типографщики. Поэтому приводимъ цѣликомъ ихъ прошеніе, составленное 4-го марта 1864 года и поданное правительству и ландтагу. Оно гласитъ:[16])

„Господа королевскіе министры!

Нижеподписавшіеся типографскіе подмастерья проникнуты убѣжденіемъ, что улучшеніе общественнаго положенія рабочихъ требуетъ прежде всего *устраненія препятствій, воздвигнутыхъ противъ нихъ въ современномъ законодательствѣ.*

Принимая во вниманіе:

1. что, какъ доказано опытомъ, заработная плата растетъ не въ такой мѣрѣ какъ ростутъ *цѣны на предметы первой необходимости*;
2. что экономическій законъ спроса и предложенія приравниваетъ рабочаго къ простому *товару* и не обезпечиваетъ ему даже минимума того, что нужно для жалкаго прозябанія;
3. что отдѣльный рабочій дѣйствительно не въ состояніи добиться даже необходимаго и справедливаго повышенія заработной платы, и потому *право на коалиціи* можетъ хотя нѣ-

[16]) Перепечатано въ брошюрѣ, упомянутой въ предыдущемъ примѣчаніи.

сколько уменьшить перевѣсъ предпринимателя надъ неимущимъ рабочимъ и является требованіемъ справедливости;

въ виду всего этого нижеподписавшіеся имѣютъ честь покорнѣйше просить господъ королевскихъ министровъ объ *отмѣнѣ* законодательнымъ путемъ тѣхъ изъ *постановленій промышленнаго устава* 1845 года (§§182, 183 и 184), которыя мѣшаютъ свободному объединенію рабочихъ и исключаютъ для рабочихъ возможность участія въ установленіи высоты заработной платы."

Къ этому прошенію присоединились и другіе круги рабочихъ. Берлинскій рабочій союзъ старался вступить въ близкія сношенія съ типографщиками; у нихъ же Фаухеръ читалъ свой рефератъ, въ которомъ, какъ онъ хвалился, онъ въ Германіи „въ первый разъ публично упомянулъ передъ рабочими о запрещеніи коаліцій".[17]) Послѣ этого, 1-го іюня пронырливый господинъ Вагнеръ далъ въ прусскомъ Народномъ Обществѣ соотвѣтствующее консервативное представленіе и требовалъ „введенія такъ называемаго права на коалиціи, но не какъ предисловія къ стачкамъ, а какъ основы рабочихъ корпорацій". И въ другихъ кругахъ также обсуждали коаліціонное право. Гнейстъ-Леттовскій Центральный Союзъ для блага рабочихъ классовъ созвалъ на 26-ое октября 1864 года собраніе, на которомъ въ заключеніе принято было слѣдующее рѣшеніе:

„Съ обще-юридической точки зрѣнія желательно, чтобы союзы рабочихъ, имѣющіе цѣлью пріостановку работы, не подвергались запрещеніямъ и уголовнымъ наказаніямъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ и подъ тѣмъ условіемъ, что союзы эти не будутъ тайными, что ими будетъ уважаться свобода и воля работодателей, а также отдѣльныхъ рабочихъ, принадлежащихъ къ той же про-

[17]) Засѣданіе палаты 11-го февраля 1865 года. На основаніи вышесказаннаго слава эта оказывается спорной.

фессіи, но не входящихъ въ союзъ, и что противъ этихъ послѣднихъ не будетъ никакихъ насилій, никакихъ угрозъ и никакихъ застращиваній".

Въ этомъ трусливомъ и неопредѣленномъ рѣшеніи говорилось дальше, что стачки большею частью вредны и безуспѣшны, и что стачечники не должны терять изъ виду интересы всего общества. Рабочіе были, поэтому, недовольны этимъ рѣшеніемъ, такъ какъ „въ немъ сказывается духъ опеки. Рабочіе не нуждаются въ поученіяхъ насчетъ идущихъ за стачками послѣдствій и могутъ обойтись безъ предостереженій относительно злоупотребленій правомъ стачекъ".[18])

Все это побудило прогрессивныхъ депутатовъ Шульце-Делича и доктора Фаухера не ждать дольше общей реформы промышленнаго устава, а взяться самимъ, немедленно послѣ открытія палаты депутатовъ, за проведеніе закона о коалиціяхъ. Ихъ предложеніе, внесенное въ палату депутатовъ 23-го января 1865 года, гласило:

Постановленія §§ 181, 182 устава о промышленности отъ 17-го января 1845 года, относящіяся къ праву работодателей и рабочихъ вступать въ соединенія, симъ отмѣняются.

Мотивируется это предложеніе тѣми послѣдствіями, которыя имѣетъ примѣненная во всѣхъ странахъ свобода промышленности и торговли на пользованіе рабочей силой.

Здѣсь не мѣсто останавливаться на подробностяхъ парламентскихъ дебатовъ по поводу этого предложенія и на дальнѣйшемъ ходѣ движенія до того времени, когда былъ обнародованъ сначала промышленный уставъ Сѣверо-Германскаго Союза, а затѣмъ Германской имперіи. Достаточно указать на то, что прусское правительство 1865 года заявило принципіальное одобреніе отмѣнѣ старыхъ ограниченій; что палата депутатовъ огромнымъ

[18]) Отчетъ коммиссіи, обсуждавшей предложеніе о коалиціяхъ Фаухера-Шульце (Делича), Палата депутатовъ, 2 сессія 1865 г.

большинствомъ голосовъ приняла предложеніе Шульце, и что уже въ 1866 году прусское правительство внесло въ палату соотвѣтствующій законопроектъ. Дѣло было такимъ образомъ рѣшено, хотя война и внезапно выдвинутые на первый планъ политическіе вопросы на время опять его задержали. Промышленный уставъ далъ свободу коалицій только промышленнымъ рабочимъ, тогда какъ раньше собирались распространить ее на всѣхъ рабочихъ. Все же правъ былъ Швейцеръ, когда онъ, въ качествѣ представителя рабочихъ, съ радостью привѣтствовалъ этотъ новый законъ.

Съ тѣхъ поръ наемъ рабочихъ въ Германіи опредѣляется слѣдующими статьями:

§105. Установленіе отношеній между самостоятельнымъ промышленникомъ и промышленнымъ рабочимъ основывается на *свободномъ соглашеніи.*

§152. Отмѣняются всѣ *запрещенія* и наказанія, налагавшіяся на промышленниковъ, ихъ помощниковъ, подмастерьевъ и фабричныхъ рабочихъ за *соглашенія* и *соединенія* съ цѣлью достиженія болѣе выгодной заработной платы и лучшихъ условій труда, въ особенности путемъ пріостановки работы или увольненія рабочихъ.

Правда, тотъ же промышленный уставъ въ §153 создалъ родъ исключительнаго закона, такъ какъ имъ нѣкоторые поступки соединившихся рабочихъ наказываются строже, чѣмъ это полагается по уголовному законодательству. Тѣмъ не менѣе принципъ свободы соединеній уже побѣдилъ.

IV.

Могутъ спросить, въ самомъ ли дѣлѣ борьба соединенными силами — т. е. посредствомъ ремесленныхъ союзовъ, — является такимъ могучимъ рычагомъ прогресса рабочаго класса, что въ каждой странѣ наступ-

етъ время, когда требованіе свободы союзовъ занимаетъ главное мѣсто въ соціально-политической борьбѣ?

Посмотримъ сначала поближе на борьбу рабочихъ въ той формѣ, какую желаетъ первоначально ей придать *капиталъ*, т. е. на борьбу между предпринимателемъ и *отдѣльнымъ рабочимъ* за заработную плату, за рабочее время, за человѣческое обращеніе и за всѣ другія условія труда.

На одной сторонѣ стоитъ капиталистъ. Законныхъ препятствій для него нынче почти нѣтъ: онъ можетъ по желанію понизить заработную плату, удлинить рабочій день, ввести унизительныя правила на фабрикѣ и въ мастерской, руководясь лишь своимъ личнымъ интересомъ.

А предприниматель гораздо меньше заинтересованъ въ благосостояніи живой, свободной рабочей силы, чѣмъ былъ заинтересованъ рабовладѣлецъ въ благосостояніи своего раба. Рабъ составлялъ часть богатства своего господина; онъ покупался или выращивался на его господскія средства; все то, что наносило рабу ущербъ, что ослабляло его или изнуряло, задѣвало собственность господина, который видѣлъ въ этомъ ущербъ самому себѣ. Когда рабъ заболѣвалъ, то господинъ имѣлъ настоятельный интересъ лѣчить его, ибо въ случаѣ смертельнаго исхода болѣзни, господинъ терялъ часть своего имущества, можетъ быть дорого ему доставшуюся; если рабочая сила гибла вслѣдствіе недостаточнаго ухода, то имущество приносило меньше выгоды, чѣмъ прежде. Совершенно не таково нынѣшнее отношеніе предпринимателя къ свободному рабочему! Если послѣдній умираетъ отъ болѣзни, то убытокъ отъ этого имѣетъ его семья, а не его хозяинъ; если рабочая сила гибнетъ вслѣдствіе недостаточнаго ухода во время болѣзни, то это нисколько не печалитъ предпринимателя: онъ во всякое время найдетъ достаточно крѣпкихъ людей, а слабосильному онъ заплатитъ половину заработной платы, и это въ концѣ концовъ оказывается

небезвыгоднымъ. Поэтому, у капиталиста отсутствуетъ то матеріальное побужденіе, которое имѣется у рабовладѣльца, — заботиться о заболѣвшемъ рабочемъ: онъ его увольняетъ, и рабочему предоставляется самому заботиться о своей судьбѣ.

Или возьмемъ безработицу. Рабъ не былъ бы въ этомъ случаѣ предоставленъ своимъ господиномъ волѣ судьбы. Еслибъ онъ погибъ въ ужасной борьбѣ за существованіе, какую нынче ведетъ свободный рабочій во время кризиса, то это было бы огромной потерей для его господина. Потеря была бы велика и въ томъ случаѣ, еслибы рабъ вышелъ ослабѣвшимъ изъ бурнаго періода кризиса. На долю свободнаго рабочаго и здѣсь можетъ опять выпасть смерть и нужда, и это нисколько не затронетъ интересовъ современнаго предпринимателя, который даетъ своимъ людямъ полную отставку: заботиться о нихъ во время промышленнаго застоя у него нѣтъ никакого интереса, такъ какъ во всякое время къ его услугамъ достаточно „*рукъ*“, могущихъ покрыть всякій спросъ даже въ періодъ промышленнаго подъема.

Жалкія жилища, лишенныя свѣта и воздуха, подкапываютъ здоровье рабочаго, тогда какъ ближайшій матеріальный интересъ рабовладѣльца внушалъ ему заботу о томъ, чтобы квартирныя условія не заходили слишкомъ далеко въ своемъ безобразіи, ибо рабъ есть часть имущества, цѣнность которой растетъ, когда рабъ силенъ и крѣпокъ, и падаетъ, когда онъ чахнетъ и теряетъ способность къ труду. Если же рабочій теряетъ способность къ труду, то ему просто отказываютъ; собственнику столь же мало вредитъ жалкое состояніе жилищъ его рабочихъ, какъ и ихъ болѣзни и безработица.

Какъ видите, предприниматель, представляющій одну изъ борющихся сторонъ, совсѣмъ не имѣетъ *собственныхъ* матеріальныхъ интересовъ, которые заставили бы его ограничить мѣру эксплуатаціи чужой рабочей силы или хоть сколько-нибудь охранять здоровье рабочихъ. По всему своему экономическому положенію современ-

ный предприниматель *наиболѣе безжалостный* изъ хозяевъ, какихъ только знала исторія. Если онъ, несмотря на это, при установленіи рабочаго договора или условій труда дѣлаетъ нѣкоторыя уступки, то лишь такія, которыя *отвоеваны* у него *силой*, отняты другой борющейся стороной. Въ настоящее время отношеніе предпринимателя къ рабочему чуждо тѣхъ побужденій чувства или привычки, которыми отчасти руководился даже рабовладѣлецъ.

Поэтому, въ этой борьбѣ рабочихъ нечего ждать какихъ-либо милостей сверху. Въ современномъ капиталистическомъ обществѣ ея исходъ опредѣляется соотношеніемъ силъ, зависитъ отъ *силы сопротивленія рабочаго*.

Какова же эта сила? Въ состояніи-ли отдѣльный рабочій, даже пользуясь полной юридической свободой, завоевать себѣ лучшія условія жизни?

Правда, никто не можетъ отрицать, что производительность труда рабочаго ростетъ все болѣе и болѣе. Творческая сила человѣчества выросла въ одно столѣтіе болѣе, чѣмъ прежде за тысячу лѣтъ. Но рабочій классъ, творецъ всей этой, доселѣ неизвѣстной массы богатствъ, только на нѣсколько шаговъ ушелъ впередъ отъ той границы, которая отдѣляетъ полную лишеній жизнь отъ немедленной голодной смерти. Каждый новый шагъ въ развитіи техники ведетъ лишь къ тому, что капиталъ требуетъ все *менѣе* рабочихъ для приготовленія одного и того же количества товаровъ. Онъ означаетъ, что, — въ томъ случаѣ если рабочіе не умѣютъ оказать никакого противодѣйствія, — конкуренція на рабочемъ рынкѣ становится все болѣе отчаянной; что страхъ остаться безъ работы все болѣе и болѣе овладѣваетъ рабочими, заставляя ихъ продавать себя за болѣе жалкую плату, лишь бы прожить.

И въ то время, какъ конкуренція между рабочими постоянно ростетъ, потому что капиталъ безпрерывно *замѣняетъ* рабочихъ *машинами*, т. е. требуетъ все

меньше и меньше рабочихъ, постоянно увеличивается наплывъ новыхъ конкурентовъ, такихъ конкурентовъ, которыхъ прежде не было и которые не могли, поэтому, прежде вліять на пониженіе заработной платы.

Современные пути сообщенія даютъ капиталу возможность привлечь къ покрытію потребности въ рабочей силѣ *отсталыя мѣстности*, которыя раньше были совершенно отрѣзаны отъ болѣе развитыхъ округовъ, — мѣстности, жители которыхъ не знаютъ даже самыхъ необходимыхъ потребностей болѣе высокой культуры и довольствуются, поэтому, самой жалкой заработной платой. Эта конкуренція стала возможной лишь благодаря современнымъ путямъ сообщенія; она становится все болѣе и болѣе чувствительной, такъ какъ даже другія части свѣта имѣютъ теперь возможность выбрасывать своихъ кули на рынокъ крупнаго производства.

Но развитіе машинъ создаетъ еще одинъ отрядъ конкурентовъ, болѣе опасныхъ. *Женщины и дѣти* прежде лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ могли посвятить себя производству, которое первоначально нуждалось въ дюжихъ работникахъ. Теперь этого больше нѣтъ: работа мускуловъ замѣнена дѣятельностью машины, а человѣку остается лишь роль надсмотрщика, для которой годятся также женщины и дѣти. Предприниматель можетъ теперь пользоваться женщинами и дѣтьми, а такъ какъ они дешевле мужчинъ, то съ этой стороны существованіе взрослаго работника подвергается опасности.

Есть еще третья причина, почему конкуренція между ищущими работы свирѣпствуетъ съ такой силой. *Обанкротившіеся мелкіе собственники*, мелкіе мастера, не съумѣвшіе поспѣть за крупнымъ капиталомъ и потерявшіе все свое имущество, теперь, съ своей стороны, выступаютъ на поле битвы, чтобы хоть сохранить свою жизнь, послѣ того какъ они не съумѣли сохранить свою собственность.

Итакъ, со стороны капитала мы видимъ стремленіе пользоваться постоянно *уменьшающимся* количествомъ

рабочихъ; со стороны рабочихъ — стремленіе къ постоянному *увеличенію* числа ищущихъ работы, наплыву женщинъ и дѣтей, а также лишенныхъ своей собственности мелкихъ владѣльцевъ и отсталыхъ рабочихъ изъ провинцій и другихъ странъ.

Такова причина *увеличивающейся безпомощности отдѣльнаго рабочаго* въ борьбѣ за условія труда. Вотъ почему въ настоящее время широкіе слои рабочаго населенія не получаютъ даже столько, сколько необходимо для скуднаго пропитанія. Велико число тѣхъ, которые не получаютъ этого скуднаго заработка даже въ эпохи промышленнаго подъема, и которые поэтому все болѣе и болѣе вырождаются въ вялое, малорослое населеніе. Другимъ удается пробиться въ благопріятное время, такъ что они не терпятъ голода, но во время кризиса нужда настигаетъ и ихъ: имъ приходится закладывать самую необходимую домашнюю утварь, приходится прибѣгать къ чужой помощи, иногда даже въ позорной формѣ общественной милостыни. Плата за ихъ честный трудъ не доставила имъ средствъ для *постояннаго*, хотя бы и жалкаго существованія.

Едва-ли нужно особо доказывать это рабочимъ. Но все таки приведемъ два примѣра.

Смертность дѣтей среди рабочихъ всегда неимовѣрно велика, потому что слабые родители рождаютъ слабыхъ дѣтей, потому что матери спѣшатъ на фабрики и оставляютъ своихъ маленькихъ дѣтей дома безъ призора; остаться дома или отдать дѣтей подъ пристмотръ и на воспитаніе внѣ дома онѣ не могутъ по бѣдности. А между тѣмъ вѣдь средства на присмотръ за дѣтьми и на ихъ воспитаніе тоже принадлежатъ къ „необходимымъ потребностямъ“ рабочей *семьи*. Поэтому, если смертность въ рабочемъ классѣ гораздо выше смертности другихъ круговъ, то это просто значитъ, что общество отказываетъ рабочимъ въ необходимыхъ средствахъ къ жизни. И такое положеніе вещей часто ведетъ къ совершенно невѣроятнымъ послѣдствіямъ. Кое-гдѣ было

замѣчено, что въ осажденныхъ городахъ смертность дѣтей уменьшилась. Почему? Когда врагъ стоитъ у воротъ города; когда подвозъ припасовъ прекращается; когда фабрики закрываются — казалось бы, что въ такое время смерть должна косить направо и налѣво? Да, но въ то же самое время общество въ этихъ случаяхъ впервые сознаетъ свои обязанности по отношенію къ неимущимъ. Иногда каждый обыватель ежедневно получаетъ свою порцію пищи; во всякомъ же случаѣ, останавливая на время производство, осада возвращаетъ дѣтямъ матерей, и не смотря на то, что внѣшнія условія наименѣе благопріятны, рабочая семья временно поднимается *надъ* прежними жизненными невзгодами, являвшимися результатомъ борьбы за заработную плату. Борьба съ предпринимателемъ ложилась на семью рабочаго болѣе тяжелымъ бременемъ, чѣмъ война съ внѣшнимъ врагомъ. — Уменьшеніе смертности дѣтей, наступившее въ Англіи въ концѣ семидесятыхъ годовъ, было и на этотъ разъ, какъ и много разъ прежде, приписано статистиками и врачами безработицѣ матерей. Выходитъ, что лучше не имѣть никакой работы и никакого заработка, чѣмъ ту работу и ту заработную плату, которыя получаются въ настоящее время.

Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, показывающемъ, какъ вѣрно столь часто критикуемое, данное соціалистами опредѣленіе отношенія современнаго предпринимателя къ свободному рабочему. Какъ извѣстно, статистика много разъ обнаруживала, какая тѣсная связь существуетъ между повышеніемъ хлѣбныхъ цѣнъ и увеличеніемъ смертности населенія. Это показываетъ, что заработная плата не всегда можетъ приноровиться къ цѣнамъ на предметы первой необходимости. Когда эти цѣны ростутъ, то не всегда въ той же мѣрѣ ростетъ денежный доходъ рабочаго класса, вынужденнаго ограничить свое потребленіе; а такъ какъ это потребленіе въ низшихъ слояхъ уже и раньше едва давало

возможность поддержки необходимыхъ силъ, то теперь сразу быстро увеличивается смертность.

Извѣстно, что въ производствѣ употребляется также рабочій скотъ. Кормъ этого скота также колеблется въ цѣнѣ. Но этотъ скотъ составляетъ *собственность* хозяина — какъ составляли ее нѣкогда рабы — и хозяинъ не можетъ дать погибнуть своей собственности, потому что такая погибель отозвалась бы на собственномъ его карманѣ. Поэтому хозяинъ вынужденъ сдѣлать достаточный запасъ корма, хотя бы цѣна его стала значительно выше. Такимъ образомъ, получается тотъ странный, но весьма естественный результатъ, что лошади, напримѣръ, не гибнутъ массами, когда повышается цѣна сѣна и овса, тогда какъ гибель часто настигаетъ „свободнаго“ рабочаго, когда дорожаетъ рожь и пшеница

Все вышеизложенное можетъ быть кратко выражено слѣдующими словами.

Рабочій не можетъ ждать никакой помощи сверху, отъ капиталиста. Всякое улучшеніе условій труда и жизненной обстановки онъ долженъ *завоевать*, взять своей *силой*.

Но *отдѣльный* рабочій не представляетъ *никакой* силы, онъ совершенно безсиленъ передъ собственникомъ, и, поэтому, весьма часто не получаетъ даже того, что необходимо для содержанія его самого и его семьи.

V.

Но вотъ рабочіе объединились и создали профессіональные союзы, чтобы улучшить жалкія и унизительныя условія своего труда. Спрашивается, можетъ ли союзъ или организація достигнуть чего-нибудь такого, что недостижимо силами отдѣльнаго лица, и не сохраняетъ ли также для союзовъ свою силу законъ спроса и предложенія, — законъ, согласно которому заработная плата должна падать и всѣ условія труда должны ухудшаться, когда имѣется на лицо больше

рабочихъ, чѣмъ можетъ и хочетъ употребить въ данный моментъ классъ предпринимателей? Можетъ ли союзъ заставить предпринимателей употреблять больше рабочихъ, чѣмъ раньше, и такимъ образомъ смягчить борьбу рабочихъ между собою за мѣста и увеличить заработную плату? Или можетъ ли союзъ, при неизмѣнности спроса со стороны предпринимателей, уменьшить число предлагающихъ свои услуги рабочихъ и такимъ образомъ оказать благопріятное вліяніе на заработную плату и условія труда?

Часто указывали на невозможность того и другого и на сомнительность результатовъ дѣятельности профессіональныхъ союзовъ; тѣмъ не менѣе при помощи сознательныхъ и хорошо руководимыхъ рабочихъ организацій здѣсь можетъ быть достигнуто многое.

Обратимся прежде всего къ предложенію рабочей силы. Мы не можемъ, конечно, уменьшить его, просто отправивъ на тотъ свѣтъ излишнее количество рабочихъ. Точно также уменьшеніе дѣторожденія, которое предлагаютъ намъ мальтузіанцы, могло бы (даже въ томъ случаѣ, еслибъ мальтузіанцы и послѣ нихъ Лассаль, въ своемъ обоснованіи желѣзнаго закона заработной платы,— были правы) въ лучшемъ случаѣ оказать вліяніе на рабочій рынокъ лѣтъ черезъ пятнадцать или двадцать; но это не было бы утѣшеніемъ для настоящаго времени, а для будущаго не было бы ручательствомъ въ успѣхѣ, такъ какъ тѣмъ временемъ изъ противорѣчивыхъ тенденцій капиталистическаго общества могутъ возникнуть на рабочемъ рынкѣ совершенно другія условія, для которыхъ большій или меньшій приростъ населенія терялъ бы всякое значеніе.

Слѣдовательно, профессіональный союзъ долженъ иначе воздѣйствовать на спросъ, и онъ дѣлаетъ это при самомъ своемъ зарожденіи, не вступая еще въ открытое состязаніе, а развивая въ рабочихъ высшія потребности и высшія требованія.

Сегодня, напримѣръ, рабочіе массами продаютъ себя

на двѣнадцати-, четырнадцати- и даже шестнадцатичасовый трудъ, потому что при своей отсталости и при своемъ равнодушіи они не понимаютъ, что можетъ быть иначе. Но вотъ возникаетъ профессіональный союзъ, устраивающій собранія, издающій профессіональныя газеты, распространяющій прокламаціи и убѣдительно доказывающій всѣмъ и каждому, что они грѣшатъ противъ собственнаго здоровья, что они медленно разрушаютъ собственную жизнь, если берутъ на себя черезмѣрную работу; что они теряютъ образъ и подобіе человѣка, если имъ послѣ тяжелаго труда остается время только на сонъ; что они грѣшатъ противъ своихъ дѣтей, о которыхъ кромѣ нихъ некому подумать и у которыхъ они отнимаютъ послѣдній остатокъ домашняго ухода и воспитанія. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что вслѣдствіе такого объясненія рабочимъ ихъ собственныхъ интересовъ, вслѣдствіе сверженія ими ига, налагаемаго „проклятымъ отсутствіемъ потребностей", все меньшая и меньшая часть рабочихъ станетъ соглашаться на слишкомъ длинное рабочее время. Иначе сказать — предприниматель, наконецъ, уже не будетъ находить на рынкѣ никого, кто согласился бы на четырнадцати- и шестнадцатичасовый трудъ. Это означаетъ, что предложеніе рабочей силы существенно измѣнилось и стало болѣе благопріятнымъ для рабочихъ.

Или возьмемъ другой примѣръ. Въ какой-нибудь отрасли производства на фабрикахъ и въ мастерскихъ царятъ самые стѣснительные порядки. За каждую ошибку, даже за такую, которой нельзя избѣгнуть, рабочаго наказываютъ высокими денежными штрафами; каждый день и каждый часъ, за малѣйшій пустякъ, ему грозятъ увольненіемъ; за нимъ унизительно слѣдятъ, какъ за преступникомъ, находящимся подъ надзоромъ полиціи. Прежде это нельзя было измѣнить, такъ какъ было достаточно рабочихъ, мирившихся съ такими порядками. Но теперь опять выступаетъ на сцену профессіональный союзъ, пробуждая въ рабочихъ чувство

самостоятельности и гордости, подчеркивая передъ ними всю унизительность такихъ порядковъ, запечатлѣвая въ ихъ умѣ то, чего они раньше почти не чувствовали или что они переносили съ затаенной злобой, какъ нѣчто вѣчное и потому неизмѣнное. И опять понятно, что выйдетъ: когда масса рабочихъ станетъ болѣе просвѣщенной и болѣе гордой, тогда предприниматель перестанетъ находить терпѣливыхъ вьючныхъ животныхъ, согласныхъ нести старое ярмо; предложеніе рабочей силы станетъ другимъ, а потому и условія труда сдѣлаются гораздо болѣе благопріятными для рабочихъ.

То же можно сказать и объ образѣ жизни рабочаго внѣ мастерской, дома и въ обществѣ, объ его потребности пользоваться разными благами жизни, наслаждаться произведеніями наукъ и искусствъ. Всякое расширеніе этихъ потребностей, всякое измѣненіе образа жизни къ лучшему оказываетъ такое же вліяніе, какъ и повышеніе издержекъ производства товара — рабочей силы: побуждаетъ владѣльца этого товара, — рабочаго, — не спускать своей цѣны такъ низко, какъ прежде.

Такимъ образомъ, еще прежде, чѣмъ профессіональные союзы появляются на полѣ битвы, они уже играютъ очень важную роль въ установленіи болѣе благопріятныхъ условій спроса на рабочемъ рынкѣ, благодаря своему исключительно нравственному, воспитательному вліянію на отдѣльнаго рабочаго. Товаръ — рабочая сила, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ товаровъ, долженъ имѣть право вмѣшаться въ установленіе издержекъ своего производства, т. е. потребностей рабочаго, а также въ опредѣленіе тѣхъ условій и тѣхъ ограниченій, при которыхъ онъ желаетъ разрѣшить капиталистамъ потреблять его на фабрикѣ и въ мастерской. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи профессіональный, какъ и всякій другой, союзъ рабочихъ имѣетъ передъ собой обширное поле дѣятельности, для того чтобы, какъ выражаются предприниматели, подстрекать и сѣять недовольство. Но профессіональные

союзы, благодаря всему своему существу, оказываютъ въ этомъ случаѣ болѣе непосредственное и болѣе продолжительное вліяніе, чѣмъ всякія другія организаціи.

Однако сильнѣе всего ихъ вліяніе тогда, когда они защищаютъ отдѣльныхъ рабочихъ въ затруднительномъ положеніи или во время открытыхъ столкновеній. Отдѣльный рабочій рѣдко можетъ знать положеніе рабочаго рынка: только съ помощью развѣтвленной организаціи вездѣсущаго профессіональнаго союза онъ получаетъ необходимыя свѣдѣнія. Отдѣльный рабочій не можетъ покинуть неблагопріятное мѣсто и возвратиться туда всякій разъ, когда положеніе рынка измѣнится къ лучшему: только профессіональный союзъ даетъ ему возможность сообразовать свои дѣйствія съ измѣняющимся положеніемъ рынка. Отдѣльный рабочій подобенъ купцу, которому постоянно грозитъ банкротство, и который принужденъ постоянно продавать по самымъ низкимъ цѣнамъ: профессіональный союзъ даетъ возможность погодить съ продажей до болѣе благопріятнаго времени или, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока смягчится или уничтожится жестокая конкуренція рабочихъ между собою.

Такимъ образомъ только профессіональные союзы дѣлаютъ рабочихъ свободными продавцами товара, способными оказать противодѣйствіе капиталу. „Эти организаціи устраняютъ тотъ двойной вредъ, отъ котораго главнымъ образомъ страдаетъ рабочій какъ продавецъ своей рабочей силы. Именно, прежде всего устраняется неограниченность ея предложенія: профессіональные союзы даютъ возможность рабочимъ, подобно другимъ продавцамъ товаровъ, опредѣлять свои условія продажи, быстро пользоваться наступающими на рынкѣ улучшеніями и воздерживаться отъ продажи своего товара при маломъ спросѣ. Кромѣ того, профессіональные союзы устраняютъ неспособность рабочихъ приспособлять предложеніе своего товара къ данному спросу и вліять на будущій спросъ. Первое достигается тѣмъ, что про-

фессіональные союзы оттягиваютъ рабочихъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ ихъ не спрашиваютъ, и привлекаютъ ихъ туда, гдѣ спросъ существуетъ, а также тѣмъ, что при паденіи спроса на трудъ тѣ рабочіе, которые, благодаря этому, потеряли работу, содержатся на средства профессіональнаго союза, или же, наконецъ, сокращеніемъ рабочаго времени для всѣхъ работающихъ".

И такъ рабочіе союзы вездѣ — а не только при стачкахъ, — вліяютъ на предложеніе труда въ полезномъ для рабочихъ смыслѣ.

Таково же вліяніе этихъ союзовъ на другую сторону, на сторону предпринимателей, на спросъ.

Если прежде, при четыренадцатичасовомъ рабочемъ днѣ, предприниматель для приготовленія извѣстнаго количества продукта нуждался, положимъ, въ 1000 рабочихъ, то при десятичасовомъ рабочемъ днѣ онъ (если не можетъ быстро измѣнить весь свой способъ производства) будетъ нуждаться въ 1400 рабочихъ или, во всякомъ случаѣ, въ значительно большемъ числѣ ихъ, чѣмъ прежде — и это должно оказать очень хорошее вліяніе на заработную плату, на условія труда и на все прочее.

Многаго предприниматель даже не осмѣлится предлагать рабочимъ, если онъ знаетъ, что въ этомъ случаѣ всѣ они единодушно бросятъ работу, такъ какъ они будутъ имѣть за собой поддержку союза, безъ которой они, конечно, не выдержали бы и принуждены были бы уступить. „Если домашнее хозяйство, пища и одежда хозяина и не ухудшаются благодаря стачкѣ, какъ ухудшаются они у рабочаго, то вѣдь хозяину надо выполнять заказы, платить за наемъ помѣщеній, а также уплачивать по всякимъ другимъ статьямъ, такъ что ему вовсе не все равно, стоитъ или идетъ его дѣло. Даже въ случаѣ неудачной стачки предпринимателямъ приходитъ въ голову, что стачка можетъ повториться и имѣть для нихъ скверныя послѣдствія. Страхъ предъ вторичной стачкой всегда у нихъ передъ глазами и по-

буждаетъ ихъ дѣйствовать съ большей справедливостью".[19]) Но для этого непремѣнно нужно единство и согласіе всѣхъ рабочихъ даннаго ремесла; ни одинъ капиталистъ не побоится отказа отъ работы отдѣльнаго рабочаго, потому что всегда можетъ замѣнить его сотней другихъ, если товарищи рабочаго по ремеслу не образуютъ сомкнутаго, готоваго къ противодѣйствію отряда.

Вотъ почему профессіональные союзы могутъ въ самомъ дѣлѣ стать силой, съ которой принуждены считаться предприниматели, тогда какъ каждый отдѣльный рабочій осужденъ на полное безсиліе.

VI.[20])

Самыми злыми противниками всякой мощной организаціи рабочихъ и всякого вмѣшательства словомъ или дѣломъ представителей рабочихъ союзовъ являются, конечно, усовѣстители[21]) изъ крупной буржуазіи. Какъ быкъ при видѣ краснаго цвѣта, эти господа разсвирѣпѣли когда-то, услышавъ ни къ чему не обязывающія слова: „рабочихъ слѣдуетъ убѣдить въ томъ, что они являются сословіемъ, пользующимся правами, одинаковыми съ правами другихъ сословій, и всѣми одинаково признаваемыми."[22]) Для этихъ господъ договоръ съ ними рабочихъ, установленіе условій труда никогда

[19]) Чарльзъ Ф. Пикъ, фабричный инспекторъ штата Нью-Іорка въ своемъ пятомъ годовомъ отчетѣ.

[20]) Большая часть настоящей главы посвящена собственно германскимъ отношеніямъ, но это не мѣшаетъ ей имѣть и общій интересъ.

Прим. переводчика.

[21]) По нѣмецки Scharfmacher. „Ich werde schon den Kaiser scharf machen", сказалъ однажды извѣстный крупный заводчикъ Штуммъ, пользовавшійся одно время сильнымъ вліяніемъ на Вильгельма II.

Прим. переводчика.

[22]) Слова, сказанныя Вильгельмомъ II. въ февралѣ 1889 года въ разговорѣ съ господами Рэзике и Бэдикеромъ.

не было соглашеніемъ равноправныхъ сторонъ, при которомъ продавцы товара — рабочей силы могли, въ защитѣ своихъ интересовъ, пользоваться такой же неограниченной свободой, какъ и всякій другой продавецъ. Эти господа, консервативные столбы нынѣшняго политическаго порядка, все еще на столько не понимаютъ основъ современнаго экономическаго строя, что они желали бы, подобно рабовладѣльцамъ, сдѣлать нормой для свободнаго рабочаго свою одностороннюю волю и замѣнить соглашеніе и переговоры, навязываемые профессіональными союзами, простымъ приказомъ самовластнаго фабриканта.

Подобно всемогущему главѣ крупповскихъ заводовъ, г-нъ Бюкъ, агитаторъ Центральнаго Союза нѣмецкихъ промышленниковъ (извѣстнаго, стоящаго выше законовъ сплоченія всевозможныхъ политическихъ союзовъ предпринимателей) слѣдующимъ образомъ излагалъ (въ мартѣ 1893 года) воззрѣнія этихъ феодаловъ капитализма:

„Фабричныя правила составляютъ писанный договоръ, и **работодатель** имѣетъ неопровержимое право устанавливать его. Можетъ быть никогда это отношеніе не было такъ точно и ясно выражено, какъ это сдѣлалъ одинъ изъ нашихъ директоровъ, тайный совѣтникъ господинъ Іенке, на собраніи представителей 22 мая 1890 года, когда мы въ первый разъ обсуждали законопроектъ, касающійся измѣненія промышленнаго устава. Господинъ тайный совѣтникъ Іенке объяснилъ все дѣло, сказавъ:

„Какъ возникаютъ рабочій договоръ и фабричныя правила? Работодатель нуждается въ рабочихъ и заявляетъ объ этомъ. Когда рабочіе являются, онъ предлагаетъ свои условія. Если рабочій ихъ принимаетъ — такъ дословно говорилъ г. тайный совѣтникъ Іенке — то онъ становится на работу у даннаго предпринимателя, и съ этого момента онъ его подчиненный. Этотъ правовой характеръ договора, являющійся всецѣло

частноправовой сдѣлкой, нисколько не измѣняется отъ того, что фабрикантъ, вмѣсто того чтобы вступать въ сдѣлку съ каждымъ рабочимъ отдѣльно, разъ на всегда устанавливаетъ фабричныя правила. Эти правила вытекаютъ изъ самодержавной воли фабриканта, и эта верховная воля фабриканта основывается на его правѣ собственности, является естественнымъ послѣдствіемъ его права какъ работодателя и собственника."

Эти слова относятся, правда, преимущественно къ внутреннему распорядку на крупныхъ фабрикахъ, но, повидимому, логически они распространяются на рабочій договоръ вообще. Вѣдь постановленія фабричныхъ правилъ о правѣ хозяина требовать вознагражденія за порчу инструментовъ и матеріала, о вычетахъ, о добавочныхъ часахъ, объ уплатѣ за нихъ или о вычетѣ за невольное опозданіе представляютъ только расширеніе или ограниченіе первоначальнаго соглашенія на счетъ платы, рода работы и рабочаго времени. Это первоначальное соглашеніе отовсюду урѣзывается и часто даже вполнѣ нарушается фабричными правилами. Поэтому, вовсе не по ошибкѣ господинъ Бюкъ, шествующій по стопамъ господина Іенке, выставилъ тотъ голый принципъ, что „установленіе рабочаго договора есть неопровержимое право работодателя."

„Общество защиты экономическихъ интересовъ торговли и промышленности" даже въ еще болѣе рѣзкой формѣ протестовало противъ болѣе чѣмъ осторожныхъ попытокъ защиты рабочихъ, содержавшихся въ проектѣ 1890 года. „Общество" исходило изъ того основанія, что въ каждомъ участіи рабочихъ въ обсужденіи фабричныхъ правилъ „лежитъ очевидное преобразованіе прежняго личнаго отношенія между работодателемъ и работополучателемъ. То, что прежде считалось неоспоримымъ добрымъ правомъ работодателя, теперь у него отнимается и передается рабочему, такъ какъ за послѣднимъ признается право обсуждать условія перваго, т. е. нѣкоторымъ образомъ судить его...

Рабочій перестаетъ быть подчиненнымъ работодателю, котораго онъ долженъ слушаться, приказаніямъ котораго онъ долженъ подчиняться, карающую власть котораго онъ призналъ въ силу рабочаго договора; теперь ему хотятъ вручить право обсуждать и принимать по своему усмотрѣнію тѣ условія, которыя работодатель считаетъ нужнымъ выставить въ своихъ собственныхъ интересахъ. Словомъ, давая рабочему это право, хотятъ его сдѣлать равноправнымъ съ работодателемъ".

Совершенно такъ жаловались помѣщики при освобожденіи крестьянъ: ихъ хозяйство пойдетъ прахомъ, если они не смогутъ больше пользоваться барщиннымъ трудомъ и принуждены будутъ искать и нанимать вольныхъ рабочихъ!

Однако, самодержавнымъ наклонностямъ нашихъ фабричныхъ феодаловъ былъ нанесенъ сильный ударъ съ тѣхъ поръ, какъ королевско-прусское правительство, которое, какъ извѣстно, съ давнихъ поръ считало себя призваннымъ защитникомъ авторитета, изъяло изъ независимаго вѣдѣнія работодателя фабричныя правила, эти послѣдніе отпрыски рабочаго договора. „Отдѣльный рабочій — по признанію мотивировки 1890 года, — при поискахъ за занятіемъ обыкновенно не можетъ выбирать, хочетъ-ли онъ подчиниться условіямъ, установленнымъ работодателемъ въ фабричныхъ правилахъ, или нѣтъ, такъ что при заключеніи договора онъ лишенъ всякой возможности вліять на отдѣльныя условія договора. Въ виду этого намъ кажется справедливымъ, чтобы передъ опубликованіемъ фабричныхъ правилъ, — или добавленія къ нимъ, — рабочимъ, занятымъ въ данное время въ данномъ производствѣ, дана была возможность защитить свои интересы". Правда, тутъ мы видимъ конституціонное сотрудничество въ гомеопатической (крошечной) дозѣ, но все же здѣсь заключается принципіальный отказъ отъ точки зрѣнія членовъ Центральнаго Союза, согласно которой совѣщаніе съ рабочими вообще не должно имѣть мѣста.

Часть предпринимателей мало по малу научилась покоряться этимъ необходимымъ и неизбѣжнымъ испытаніямъ. Но чтобы избѣгнуть большаго зла—вмѣшательства общихъ рабочихъ организацій, было заявлено согласіе на скромное привлеченіе выборныхъ отъ рабочихъ для всякаго рода переговоровъ между капиталомъ и трудомъ: пусть, молъ, трудъ имѣетъ свое представительство, но только трудъ собственной мастерской. Переговоры ведутся не между всѣми рабочими и всѣми предпринимателями одной и той же отрасли, а каждая фабрика имѣетъ своего монарха и свое представительство, состоящее при этомъ монархѣ.[23])

Между тѣмъ подобные представители отъ рабочихъ никогда, конечно, не могутъ быть вполнѣ независимымъ представительствомъ интересовъ труда противъ совершенно противоположныхъ интересовъ капитала. Наилучшее рабочее представительство, которое можетъ при этомъ составиться (даже если мы предположимъ самые демократическіе пріемы выборовъ и отвлечемся отъ возможныхъ назначеній со стороны предпринимателя и отъ всякаго другого вмѣшательства сверху) всегда останется только народнымъ представительствомъ, составленнымъ изъ чиновниковъ, состоящихъ на службѣ у правительства, оппозиціей, которую можно всегда держать подъ страхомъ и которая можетъ быть лишена всѣхъ средствъ къ существованію. Въ рейнско-вестфальскихъ промышленныхъ округахъ — по словамъ доклада, сдѣланнаго Штетцелемъ въ 1890 году передъ Соціальнополитическимъ Обществомъ — во время большихъ стачекъ убѣдились, что карамъ подвергались какъ разъ такіе рабочіе, которые сами по себѣ были люди безупречные, которые даже вовсе не были соціальдемократами — хотя и это не можетъ служить поводомъ

[23]) Главнымъ представителемъ этого взгляда все еще остается Шмоллеръ. О выборныхъ отъ рабочихъ смотри мою статью въ Neue Zeit 1890-1891 т. I, стр. 129-135.

для того, чтобы наказывать своихъ рабочихъ — а только такіе рабочіе, которые съ своей стороны носились съ лучшими намѣреніями подѣйствовать примирительно на своихъ товарищей, но при этомъ добивались ихъ организаціи".

Да и вообще предприниматели будутъ, особенно въ тяжелое время — вліять на представителей рабочихъ въ своихъ интересахъ. Стоитъ только прочитать разсказъ Дасбаха о томъ, что происходило въ горныхъ округахъ: „Передъ выборами нѣкоторыхъ рабочихъ комитетовъ была произведена такая передѣлка избирательныхъ округовъ, что нѣкоторые люди, которыхъ собирались выбрать въ комитеты, потеряли возможность быть выбранными. Правда, это отрицалось въ Палатѣ депутатовъ однимъ высшимъ чиновникомъ горнаго управленія, однако я доставилъ господину министру листъ съ пятнадцатью именами и указалъ, въ какихъ рудникахъ, въ какихъ отдѣленіяхъ эти люди работали раньше и въ какія отдѣленія они были помѣщены 1-го марта, за три дня до выборовъ. Въ правилахъ сказано, что въ члены рабочаго комитета каждый можетъ быть выбранъ только тѣмъ отдѣленіемъ, въ которомъ онъ работаетъ. Около десяти человѣкъ, прежнихъ членовъ комитета, были зачислены въ одно отдѣленіе, такъ что это послѣднее могло выбрать только одного изъ этихъ десяти довѣренныхъ людей, остальныя же отдѣленія принуждены были выбирать другихъ. — Мои указанія, были повидимому, найдены вѣрными, такъ какъ мнѣ до сихъ поръ не сдѣлано никакого возраженія.... Есть еще причина, почему общество (католическое), имѣющее цѣлью юридическую защиту рабочихъ, не прекратитъ своего существованія. Я говорю о томъ обращеніи, которому, къ сожалѣнію, подвергаются нѣкоторые рабочіе комитеты. Я приведу только одинъ характерный примѣръ: Члены одного рабочаго комитета были приглашены на засѣданіе, послѣ того какъ они отработали въ рудникѣ 9-10 часовъ и затѣмъ около получаса

употребили на возвращеніе домой. Засѣданіе продолжалось четыре часа: рабочимъ не предложили стульевъ, да въ комнатѣ ихъ и не было; рабочіе съ негодованіемъ разсказывали объ этомъ четырехъчасовомъ „стояніи„. (Verein für Sozialpolitik Frankfurt 1890)

Такимъ образомъ, фабричные комитеты никогда не могутъ быть достаточно независимы въ своей дѣятельности, а кромѣ того, кругъ ихъ вялой и смирной дѣятельности очень узокъ и уже по самому своему характеру не можетъ имѣть никакого значенія для классоваго движенія пролетаріата. По скольку въ предѣлахъ конкурренціи возможно улучшеніе положенія рабочихъ, оно можетъ быть достигнуто только равномѣрной дѣятельностью въ предѣлахъ всѣхъ конкурирующихъ между собою предпріятій одной отрасли промышленности, т. е. не изолированными рабочими комитетами одного завода или фабрики, а только организованными профессіональными союзами, объединяющими рабочихъ всѣхъ конкуррирующихъ предпріятій, понятно не съ тѣмъ, чтобы оказывать услуги капиталу, а чтобы бороться съ нимъ. Тѣ уступки рабочимъ, которыхъ не можетъ сдѣлать отдѣльный предприниматель, опасающійся конкурренціи, могутъ легко быть сдѣланы совокупностью конкуррирующихъ между собою предпринимателей, если союзы будутъ наблюдать за тѣмъ, чтобы каждый изъ участниковъ дѣлалъ одинаковыя уступки при покупкѣ и эксплуатаціи своей рабочей силы, при установленіи высоты заработной платы и продолжительности рабочаго дня.

То, что всегда признается вѣрнымъ для законодательства въ обществѣ съ свободной конкуренціей —, вѣрно теперь и въ области самопомощи. Если отдѣльный лавочникъ не можетъ закрыть свою лавку въ воскресенье, потому что ему мѣшаетъ конкурренція остальныхъ лавочниковъ, оставляющихъ свои магазины открытыми, то законъ можетъ, не долго думая, сдѣлать закрываніе лавокъ обязательнымъ и такимъ образомъ

уровнять условія конкурренціи. Если отдѣльное предпріятіе не можетъ дѣлать уступокъ рабочимъ потому, что это значило бы заботиться о выгодѣ худшей породы конкуррентовъ, понижающихъ заработную плату и губящихъ здоровье рабочихъ, если даже отдѣльный рабочій комитетъ вынужденъ подчиниться подобнымъ соображеніямъ, то отсюда вовсе не слѣдуетъ, что капиталъ не сможетъ легко перенести всеобщее увеличеніе заработной платы во всѣхъ заведеніяхъ одной и той же отрасли производства. Поэтому, часто случалось, что предприниматели, которые по своей доброй волѣ были готовы на болѣе благопріятныя для рабочихъ условія труда или принуждены были дѣлать бо́льшія уступки влѣдствіе особенности своего положенія, содѣйствовали образованію профессіональныхъ союзовъ и поддерживали ихъ дѣятельность для того, чтобы убить недобросовѣстную конкурренцію въ своемъ производствѣ; точно также многіе фабриканты требуютъ въ настоящее время законовъ въ защиту труда въ области домашняго производства, которое, пользуясь свободой эксплуатаціи, грозитъ росту крупнаго производства. Какъ отдѣльный предприниматель не можетъ создать широкой защиты труда, а принужденъ предоставить это дѣло законодательному или профессіональному принужденію, направленному противъ всѣхъ конкурентовъ, точно также и рабочій договоръ, предоставленный свободному соглашенію участниковъ большею частью не можетъ быть „очеловѣченъ“ и не можетъ развиваться въ предѣлахъ отдѣльныхъ предпріятій. Наоборотъ, его развитіе предполагаетъ равномѣрную дѣятельность по всей линіи конкуррирующихъ предпріятій.[24])

Поэтому, профессіональные союзы являются истин-

[24]) Въ австралійской колоніи Викторіи крупные предприниматели большею частью являлись защитниками введенія „обязательной минимальной заработной платы“, потому что въ этомъ случаѣ „всѣ другія фирмы нашей промышленности при-

ными представителями рабочихъ, какъ по независимости своего положенія и образа мыслей, такъ и по возможности достиженія практическихъ результатовъ.

VII.

Со временемъ однако и въ предпринимательскихъ кругахъ привыкаютъ, хотя и съ кислосладкой миной, считаться съ фактомъ существованія профессіональныхъ союзовъ и съ невозможностью ихъ уничтоженія. Такъ какъ не можетъ быть иначе, то признаютъ въ принципѣ право рабочихъ организовывать союзы, но тѣмъ рѣзче набрасываются на каждую ихъ попытку дѣятельно воспользоваться этимъ правомъ.

Часто приходится нынче слышать слѣдующее возраженіе: пусть профессіональные союзы спокойно дѣлаютъ для своихъ членовъ все, что только они могутъ, но пусть они строго воздерживаются отъ всякаго воздѣйствія на внѣстоящихъ рабочихъ, не солидарныхъ съ ними ни по мысли, ни по чувству. Если профессіональные союзы подчиняютъ свою собственную свободу рѣшеніямъ большинства своихъ товарищей по организаціи, то это ихъ дѣло. Но они должны уважать свободу другихъ, желающихъ работать дешевле и при болѣе тяжелыхъ условіяхъ. „Надо защитить желающихъ работать; надо сохранить свободу неорганизованныхъ!“ Этими избитыми фразами стараются настроить людей непроницательныхъ противъ рабочихъ организацій.

На это прежде всего можно было бы возразить, что союзы рабочихъ принуждены гораздо энергичнѣе отзываться на все, происходящее внѣ ихъ, такъ какъ ихъ внутренняя связь гораздо больше подвергается

нуждены будутъ сдѣлать тоже самое и не будутъ въ состояніи конкуррировать съ нами путемъ тяжелаго изнуренія своихъ служащихъ.“ Министръ-президентъ Тэрнеръ въ „Daily News“, цитировано въ „Zeit“ отъ 14 августа 1897 года.

опасности, чѣмъ противостоящіе имъ союзы предпринимателей. На основаніи пункта второго §152 Устава о Промышленности, какъ предприниматели такъ и рабочіе, участвующіе въ союзахъ, могутъ свободно изъ нихъ выступить, при чемъ это выступленіе не можетъ дать повода ни къ жалобамъ, ни къ увѣщаніямъ. Поэтому, сила, связывающая рабочихъ, можетъ быть исключительно нравственной, тогда какъ работодатели всегда умѣютъ болѣе прочно связать свои организаціи при помощи такъ называемыхъ сухихъ векселей. Въ виду этого уже въ 1874 году Брентано замѣтилъ, что это постановленіе „дѣйствуетъ односторонне противъ рабочихъ," слѣдовательно измѣняетъ соотношеніе силъ союзовъ во вредъ рабочимъ.

Далѣе, формально рабочіе, дѣйствительно, имѣютъ право помѣшать возникновенію союзовъ предпринимателей или повліять на ихъ распущеніе, но на самомъ дѣлѣ пользуются этимъ правомъ только работодатели противъ рабочихъ. Только въ нѣкоторыхъ сомнительныхъ, проникнутыхъ цеховымъ духомъ анекдотахъ можно встрѣтить разсказъ о томъ, что рабочіе пытались заставить нѣкоторыхъ мастеровъ выступить изъ цеховъ или другихъ подобныхъ обществъ. Напротивъ, исторія классовой борьбы въ Германіи кишитъ насиліями противъ свободы союзовъ рабочихъ со стороны жестокаго терроризма предпринимателей. Если принужденіе, угрозы, оскорбленія, бойкотъ практикуются рабочими противъ рабочихъ, то на основаніи §153 они наказываются болѣе тяжелымъ наказаніемъ, чѣмъ установлено въ сводѣ уголовныхъ законовъ; угрозы же предпринимателей противъ рабочихъ не влекутъ за собой никакого наказанія, если въ этихъ угрозахъ не заключается преступленія или проступка (§240 свода уголовныхъ законовъ). Тоже и при бойкотѣ. Другими словами, намѣреніе сохранить союзъ служитъ поводомъ для усиленія наказанія; намѣреніе же (чаще всего имѣющееся у предпринимателей и направленное противъ

рабочихъ) помѣшать устройству союза или уничтожить его не усугубляетъ наказанія. Но, кромѣ того, оскорбленіе, насиліе, бойкотъ или угроза, имѣющіе цѣлью сохранить или основать союзъ, могутъ при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ не только повести къ усиленію наказанія, но и явиться поводомъ къ обвиненію вообще: это возможно при оскорбленіяхъ, бойкотѣ и угрозахъ, когда на основаніи общаго уголовнаго кодекса нѣтъ состава преступленія.[25])

Мы знаемъ еще одну причину, которая принуждаетъ именно рабочихъ удваивать свои усилія для сохраненія своихъ союзовъ, причемъ не обходится, понятно, безъ рѣзкаго слова или безъ необдуманнаго поступка: мы говоримъ о систематическомъ гоненіи на собранія и союзы рабочихъ со стороны нашего законодательства, которое давно отжило свое время и которое въ своемъ бюрократическомъ примѣненіи окончательно душитъ и отравляетъ всякую свѣжую общественную жизнь. Объ этомъ въ настоящее время распространяться уже не приходится.[26]) Мы только еще разъ подчеркиваемъ, что всѣ эти цѣпи сковываютъ только союзы рабочихъ, и что болѣе слабыя организаціи всегда будутъ склонны прибѣгать къ болѣе сильнымъ

[25]) Объ этомъ усиленіи наказаній за проступки, находящіеся въ связи съ коалиціями, смотри отличную статью Лёвенфельда: „Нарушеніе контракта и коалиціонное право“, помѣщенную въ Брауновскомъ Архивѣ, т. 3-ій, 1890г.

[26]) Объ этомъ, такъ часто обсуждавшемся предметѣ, а также о примѣненіи уголовныхъ законовъ и §153 Устава о Промышленности, смотри слѣдующія произведенія: Das Koalitionsrecht der deutchen Arbeiter im Lichte der Thatsachen (изданіе агитаціонной комиссіи каменьщиковъ, Гамбургъ 1889); Ein Angriff auf das Koalitionsrecht in Sicht (изданіе Всеобщей комиссіи германскихъ профессіональныхъ союзовъ, Гамбургъ 1897); рефераты и пренія въ Союзѣ Соціальной Политики въ Кёльнѣ въ 1897 году (Собраніе статей означеннаго общества т. 76). — Кромѣ того, много матеріала въ отчетахъ рейхстага и въ статьяхъ, напечатанныхъ въ журналѣ „Soziale Praxis“, главнымъ образомъ Роттенбурга и Берлепша.

средствамъ для достиженія своихъ цѣлей, которыя они считаютъ справедливыми и необходимыми. Наконецъ, зачѣмъ поднимать такой фарисейскій вопль по поводу того, что рабочій на свой манеръ высказываетъ свой „корпораціонный духъ," когда каждой покрытой кровью офицерской шпагѣ готовы поклоняться какъ символу сословной чести и мужества, даже въ томъ случаѣ, если шпага вступила въ открытое противорѣчіе съ уголовными законами, съ христіанской и буржуазной нравственностью.

Посмотримъ однако, дѣлаютъ-ли „террористическіе" рабочіе что нибудь такое, въ чемъ бы не провинялись ежедневно въ большей еще степени господа предприниматели? Если выбрать правильную мѣру для сравненія, то слѣдуетъ принять во вниманіе не только общества предпринимателей, существующія на основаніи §152 Устава о Промышленности, но прежде всего картели, которые, подобно организаціямъ продавцовъ товара — рабочей силы, имѣютъ цѣлью установить одинаковыя цѣны, для всѣхъ конкуррирующихъ между собою товаровъ, и по возможности поднять эти цѣны или по крайней мѣрѣ помѣшать ихъ паденію.

Организованные рабочіе иногда не хотятъ вступать ни въ какія сношенія съ неорганизованными, понижающими цѣну за трудъ; по временамъ они принуждаютъ предпринимателей покупать товаръ — рабочую силу только по цѣнамъ, установленнымъ рабочими союзами, и только у членовъ этихъ союзовъ. Производство или останавливается или же наполняется исключительно членами профессіональныхъ организацій. Все это — „терроризмъ"! Но когда картель „угрожаетъ" всѣмъ, внѣ его стоящамъ, всякаго рода придирками, которыя могутъ довести даже до банкротства; когда онъ прекращаетъ всякія сношенія съ фабрикантами или торговцами, не признающими условій картеля или противодѣйствующими ему, тогда говорятъ, что они

страняютъ пагубныя дѣйствія свободной конкурренціи, приносятъ огромную пользу національному производству кладутъ основу для новой, высшей формы производства!

Какъ отчаянно завопили бы „благонамѣренные“ люди, еслибы всѣ профессіональные союзы внесли въ свой уставъ слѣдующую статью:

„Каждый членъ общества обязывается не работать у такого предпринимателя, который покупаетъ свою рабочую силу у рабочихъ, не принадлежащихъ обществу.“

А между тѣмъ именно таково содержаніе §35 устава „Общества германскихъ фабрикантовъ обоевъ“, съ той только разницей, что здѣсь рѣчь идетъ не о продажѣ рабочей силы, а о продажѣ обоевъ:

Каждый членъ общества обязуется не вступать ни въ какія сношенія съ торговцами, покупающими у германскихъ фабрикантовъ, не принадлежащихъ къ обществу.

§36. Члены нашего общества обязаны подъ угрозой опредѣленнаго штрафа покупать только у такихъ фабрикантовъ (бумаги, красокъ, клея и проч., рисовальщиковъ, модельщиковъ, и т. п.), поставщиковъ, агентовъ или посредниковъ, которые поставляютъ исключительно членамъ нашего общества, слѣдовательно отказываются отъ всякой поставки фабрикантамъ обоевъ, не принадлежимъ къ нашему обществу.

Эту послѣднюю статью трудно было бы перенести въ практику рабочихъ обществъ. Въ этомъ случаѣ она должна была бы гласить такъ: Членамъ профессіональныхъ союзовъ запрещается „подъ угрозой штрафа“ обрабатывать то сырье и употреблять тѣ инструменты, фабриканты которыхъ поставляютъ свои издѣлія въ мастерскія, оплачивающія своихъ рабочихъ ниже тарифа. Какіе припадки бѣшенства увидѣли бы мы въ печати, въ парламентахъ и въ правительствѣ, еслибы рабочіе дошли такъ далеко.

Ультрамонтанская „Kölnische Volkszeitung“ писала

въ серединѣ сентября 1898 года; „Синдикатъ вестфальскихъ углепромышленниковъ только что сдѣлалъ попытку раззорить участокъ Лангенбрамъ, не пожелавшій примкнуть къ синдикату, отказываясь доставлять уголь всякому, кто закупаетъ его также и на названномъ участкѣ. Участку ничего другого не остается какъ присоединиться къ синдикату; если онъ еще дальше будетъ противиться, то все его существованіе будетъ погублено синдикатомъ. И это вовсе не исключеніе; въ практикѣ синдиката это правило. Кто не подчиняется, тотъ бойкотируется и раззоряется до тла. Въ желѣзодѣлательномъ производствѣ тому, кто не хочетъ пользоваться своимъ „правомъ соединяться въ союзы“, отказываютъ въ доставкѣ руды, стали, желѣза и всего необходимаго, пока онъ не примкнетъ къ союзу, устанавливающему цѣны. Мелкіе производители вполнѣ терроризированы крупными, объединенными въ синдикатъ. Слабыхъ принуждаютъ вступать въ синдикатъ; принужденіемъ же ихъ тамъ удерживаютъ, устанавливая крупный штрафъ за выходъ оттуда. Точно также каждый принужденъ сохранять тѣ цѣны, какія предписаны синдикатомъ.“

Какъ часто въ союзахъ владѣльцевъ желѣзопрокатныхъ заводовъ раздавались голоса, предлагавшіе „начать энергичную борьбу съ заводами, стоящими внѣ союза, чтобы по возможности яснѣе показать имъ, къ какимъ результатамъ должна привести ихъ оппозиціонная политика“.[27]) Въ основу картеля сахарозаводчиковъ, который, теперь (писано въ январѣ 1899 года), повидимому, уже совсѣмъ организованъ, положено слѣдующее условіе: продавцы сырца не могутъ ни работать, ни дѣлать поставокъ для тѣхъ заводовъ, которые не подчинятся договору; точь въ точь какъ поступаютъ съ остальными продавцами и поставщиками

[27]) Такъ говорится въ циркулярѣ Среднегерманской Дирекціи Союза къ его членамъ. (Сообщено въ „Handelsmuseum“ 6. 7. 93)

руда. И государство, которое куетъ новыя цѣпи для тихъ рабочихъ союзовъ за ихъ „терроризмъ“, само повинно въ тѣхъ же грѣхахъ. По временамъ оно является даже самымъ большимъ грѣшникомъ. Возьмемъ картель владѣльцевъ каліевыхъ копей, который въ свое время[28]) заставилъ своихъ членовъ отказаться отъ совмѣстной работы съ лицами, стоящими внѣ союза.

„Копи, составляющія собственность фабрикъ или снятыя ими въ аренду, обязуются не обрабатывать соли, добытой изъ копей, не принадлежащихъ посредственно или непосредственно картелю, а также не отдавать своихъ фабрикъ третьимъ лицамъ для обработки такихъ же чужихъ солей...

„Владѣльцы копей обязались,... отказывать отдѣльной фабрикѣ въ доставкѣ соли во все время договора, какъ только вполнѣ ясно обнаружится, что означенная фабрика благопріятствуетъ эксплуатаціи новыхъ копей, не примкнувшихъ къ настоящему договору.“

Въ переводѣ на языкъ рабочихъ это означало бы запрещеніе доставлять рабочую силу такимъ мастерскимъ, владѣльцы которыхъ „благопріятствуютъ“ ослабленію, хотя бы только въ будущемъ, того принципа, согласно которому снабженіе мастерскихъ рабочей силой должно принадлежать исключительно рабочимъ союзамъ.

Эти примѣры могутъ быть увеличены до безконечности, но для нашей цѣли вполнѣ достаточно и тѣхъ, которые уже приведены.[29]) Мы теперь просто спрашиваемъ: почему продавцамъ рабочей силы, продавцамъ товара, состоящаго изъ плоти и крови, товара,

[28]) Энгельке, Schriften des Vereins für Sozialpolitik. T. 60.

[29]) Рейхстагъ заслужилъ бы большую похвалу, еслибы на опросъ министерства внутреннихъ дѣлъ, касающійся практики профессіональныхъ союзовъ, онъ отвѣтилъ требованіемъ о назначеніи слѣдствія по поводу практики союзовъ предпринимателей. Тогда пришелъ-бы конецъ всему шуму, поднятому противъ рабочихъ.

для котораго униженіемъ является уже тотъ фактъ, что съ нимъ обращаются какъ съ товаромъ, почему, спрашиваемъ мы, именно этому товару должно быть запрещено дѣлать для урегулированія своего предложенія, для улучшенія своихъ цѣнъ то, что ежедневно дѣлается для желѣза, стекла или соли, на глазахъ и при содѣйствіи самыхъ благочестивыхъ сыновъ церкви и самыхъ благонамѣренныхъ защитниковъ современнаго государства?[30])

VIII

Наше изложеніе собственно говоря кончено. Только ради полноты мы займемся еще нѣкоторыми возраженіями, столь часто дѣлаемыми противъ профессіональныхъ союзовъ.

[30]) Господинъ Штейнманъ-Бухеръ, редактирующій въ настоящее время для Центральнаго Союза газету „Deutsche Industriezeitung“, давно уже восторгается картелями предпринимателей. Съ чрезмѣрнымъ воодушевленіемъ писалъ онъ въ 1891 году въ Шмоллеровскимъ Ежегодникѣ: „Въ томъ-то и состоитъ глубокая общность интересовъ предпринимателей и рабочихъ, что и тѣ, и другіе должны бороться противъ ограниченія права соединяться, противъ ограниченія свободы коалицій; ибо свобода коалицій и тѣхъ, и другихъ тѣсно связана между собой. Нельзя допустить, чтобы какія нибудь мѣры принимались противъ картелей, когда допускаются коалиціи рабочихъ; наоборотъ, терпимость по отношенію къ картелямъ обязываетъ дать такую же свободу союзовъ и рабочимъ. И предприниматель не можетъ считать вреднымъ это уравненіе съ нимъ рабочаго въ отношеніи права на соединеніе; соединеніе рабочихъ ведетъ къ той же цѣли какъ и соединеніе предпринимателей; оно не противоположное теченіе, а параллельное или, вѣрнѣе, теченіе, направленное къ одной и той же точкѣ. Пусть соединеніе рабочихъ начинается такъ или иначе, пусть оно будетъ промышленнымъ союзомъ, профессіональнымъ союзомъ, рабочей камерой, фабричной комиссіей или чѣмъ нибудь другимъ, оно все болѣе и болѣе будетъ приближаться къ формѣ предпринимательскаго союза и превращаться въ профессіональный союзъ, такъ какъ и рабочій вопросъ можетъ найти плодотворное разрѣшеніе только такимъ путемъ.

Тутъ намъ прежде всего говорятъ: въ настоящее время плохое положеніе дѣлъ стало почти правиломъ: если же когда-нибудь наступаютъ лучшія времена, если начинаетъ замѣчаться какой-нибудь подъемъ, то рабочіе, устраивая стачки и искусственно останавливая этимъ ходъ дѣлъ, губятъ благопріятный моментъ.

Мы оставимъ въ сторонѣ вопросъ о томъ, дѣйствительно ли стачки рабочихъ такъ часты, чтобы подобныя утвержденія могли находить себѣ основаніе. Даже допуская, что это такъ, спрашивается, противъ кого говорятъ эти факты? Противъ рабочихъ ли, которые, пользуясь лучшимъ положеніемъ дѣлъ, хотятъ заработать нѣсколькими копѣйками больше, или же противъ той экономической системы, которая мѣшаетъ тому, чтобы отъ подъема промышленности выпало что-нибудь

Этимъ я не хочу сказать, что этотъ путь не будетъ обозначенъ жестокой борьбой. Но жестокость этой борьбы будетъ уменьшаться по мѣрѣ приближенія къ цѣли: чѣмъ болѣе глубокій профессіональный характеръ получаетъ рабочій вопросъ, тѣмъ болѣе рѣшающее вліяніе будутъ имѣть профессіональныя и дѣловыя соображенія и тѣмъ возможнѣе будетъ взаимное соглашеніе,... Поэтому, свобода коалицій образуетъ одинъ изъ основныхъ догматовъ нашего переходнаго времени. Но этой свободы промышленность добивается именно затѣмъ, чтобы спасти себя отъ экономической анархіи и проложить пути для новаго порядка.... Противники, ведшіе другъ съ другомъ кровавую войну, стали друзьями, товарищами съ общими интересами и задачами почти на всѣхъ поприщахъ промышленной жизни. На мѣсто раздробленнаго, распавшагося на атомы общества стало общество порядка; разложенныя элементы пришли къ точкѣ кристаллизаціи. Трудно будетъ найти хоть одного члена человѣческаго общества, который не принялъ бы участія въ этомъ превращеніи или не былъ бы имъ затронутъ. Каждая профессія ощущаетъ его дѣйствіе: крупное и мелкое производство, сельское хозяйство и даже интеллигентныя профессіи. Подъ его вліяніе подпала даже торговля, которая разыгрывала роль носительницы атомистическаго міросозерцанія." — Въ настоящее время, какъ уже сказано, тотъ же г. Штейнманъ-Бухеръ вынужденъ въ органѣ Центральнаго Союза въ потѣ лица своего сражаться съ коалиціями рабочихъ.

и на долю нуждающагося пролетарія, принужденнаго, даже въ пору всеобщаго изобилія, бороться за каждый кусокъ хлѣба, потому что всѣ выгоды идутъ исключительно въ руки предпринимателя? Бороться за это онъ имѣетъ полное право, и если эта борьба выпадаетъ на болѣе благопріятное время, то онъ не можетъ этого измѣнить. Несправедлива и должна быть измѣнена система, которая даже въ эпоху лучшаго положенія дѣлъ, стремится обездолить работающую и нуждающуюся бѣдноту, между тѣмъ какъ неработающіе и наслаждающіеся собственники еще больше наполняютъ свои карманы.

И какъ несправедливо судятъ даже и въ этомъ случаѣ! Когда содержатели гостинницъ и купцы, пользуясь большимъ наплывомъ народа, увеличиваютъ свои цѣны на пятьдесятъ и на сто процентовъ, то въ этомъ видятъ, можетъ быть, непріятную надбавку, но съ другой стороны принимаютъ это какъ должное. Когда же плотники и каменьщики, воспользовавшись берлинской промышленной выставкой, выставили самыя скромныя требованія относительно увеличенія заработной платы, на нихъ вознегодовали со всѣхъ сторонъ!

Но, — говорятъ намъ, — стачки вызываютъ остановку производства! Не безумно-ли оставлять въ бездѣйствіи тѣ машины и тѣ руки, движеніемъ и дѣятельностью которыхъ создаются всѣ необходимыя человѣку блага? Не дерзко-ли разстраивать, останавливать кровообращеніе всего хозяйственнаго организма народа?

На это можно отвѣтить, что вѣдь прекращеніе работъ не является въ настоящее время чѣмъ-нибудь неожиданнымъ и совершается вездѣ, какъ только перепроизводство, ставшее хроническимъ во всѣхъ отрасляхъ промышленности, достигаетъ извѣстной высоты. Если стачка уже заранѣе вызываетъ пріостановку дѣятельности, то это только означаетъ, что производство, остановившись въ данный моментъ, тѣмъ менѣе

будетъ стоять впослѣдствіи, такъ какъ тѣмъ позже будетъ достигнутъ тотъ же излишекъ въ производствѣ. Если теперь строютъ меньше, то тѣмъ больше будутъ строить потомъ; число домовъ отъ этого, навѣрное, не уменьшится; только „крахъ“ наступитъ, можетъ быть, позже. Стачка не дѣлаетъ болѣе продолжительнымъ времени остановки производства, она лишь раздѣляетъ это время: она переноситъ одну его часть, которая при другихъ обстоятельствахъ, вѣроятно, совпала бы съ эпохой кризиса, въ эпоху такъ называемаго расцвѣта, такъ какъ только въ это время имѣется благопріятная почва для борьбы за лучшія условія труда. Капиталисту, конечно, очень непріятно такое откладываніе; ему, разумѣется, пріятнѣе была бы борьба во время кризиса, потому что такая борьба безнадежна для рабочихъ. Но нельзя же требовать отъ рабочаго, чтобы онъ вопросъ объ условіяхъ труда также разсматривалъ съ точки зрѣнія капиталиста, какъ онъ это—, къ сожалѣнію, дѣлаетъ со многими другими вопросами.

По подобнымъ же основаніямъ не выдерживаютъ никакой критики разсчеты о жертвахъ, съ одной стороны, и о достигнутыхъ результатахъ, съ другой. Какъ часто капиталистическая печать упрекала рабочихъ въ томъ, что прекращая работу на многія недѣли они теряли громадныя суммы, такъ что вмѣсто доходовъ у нихъ были одни расходы, и понадобятся годы для того, чтобы они изъ завоеваннаго небольшаго повышенія платы могли покрыть всѣ расходы и лишенія.

Сколько лицемѣрія или глупости скрывается въ подобныхъ разсужденіяхъ! Возьмемъ для примѣра обширную стачку сапожниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для нея требуются не малыя средства, и о нихъ, конечно, слѣдуетъ подумать, чтобы не дѣйствовать наобумъ. Но пусть къ намъ не пристаютъ съ огромными числами, выражающими потери рабочихъ! Конечно, предприниматели не платятъ рабочимъ, когда тѣ не работаютъ. Но развѣ отъ этого населеніе изнашиваетъ меньше са-

погъ и башмамаковъ? Развѣ отъ этого въ самомъ дѣлѣ уменьшается производство? Нѣтъ, во время стачки сапожниковъ торговцы продаютъ тѣ пары, которыя имѣлись въ запасѣ, а послѣ стачки фабриканты тѣмъ больше производятъ для пополненія истощеннаго запаса. Поэтому, временная потеря заработной платы будетъ возмѣщена, и болѣе чѣмъ возмѣщена, въ будущемъ, если тѣмъ временемъ завоевано улучшеніе заработной платы, т. е. если за каждую готовую пару платятъ сапожнику больше, чѣмъ прежде. Правда, это увеличеніе производства часто идетъ не въ пользу непосредственныхъ участниковъ стачки: если въ Берлинѣ во время стачки произведено меньше, то, можетъ быть, тѣмъ больше сработали ихъ товарищи во Франкфуртѣ. Въ этомъ случаѣ увеличился бы доходъ франкфуртскихъ сапожниковъ, что для нихъ должно бы служить новымъ поводомъ для энергичной поддержки берлинскихъ стачечниковъ. Во всякомъ случаѣ рабочій классъ не теряетъ тѣхъ суммъ, отъ которыхъ въ данный моментъ принуждены отказаться стачечники и которыми ихъ такъ часто пугаютъ.

И, наконецъ, развѣ остановка производства, вызванная стачками, является такой рѣдкостью въ нашей хозяйственной системѣ? Развѣ не возникаютъ постоянныя заминки, несравненно большія и по объему, и по продолжительности, — заминки, отвѣтственность за которыя несетъ исключительно частный капиталъ, тотъ самый капиталъ, который обвиняетъ рабочихъ, если они дѣлаютъ тоже самое въ гораздо меньшихъ размѣрахъ?

Капиталъ, своей лихорадочной дѣятельностью увеличивающій производство до невѣроятныхъ размѣровъ и въ тоже время заставляющій рабочихъ довольствоваться нищенской платой, искусственно уменьшаетъ потребленіе. Поэтому, именно капиталъ постоянно расширяетъ пропасть между производствомъ и потребленіемъ товаровъ, вызывая все болѣе и болѣе опусто-

шительные все болѣе и болѣе продолжительные кризисы. Взглянемъ хоть разъ безпристрастно на послѣднія двадцать лѣтъ нашего экономическаго развитія и посмотримъ, какъ продолжительна была съ одной стороны та остановка въ производствѣ, которую вызвало неограниченное господство капитала, господствующая нынѣ система хозяйства, и съ другой стороны — та, которой мы обязаны организованному сопротивленію рабочихъ противъ послѣдствій этого господства! За этотъ періодъ работы были въ полномъ ходу только въ 1871, 1872 и отчасти въ 1873 году. Но уже вторая половина 1873-го года испытываетъ вліяніе послѣдствій кризиса, которымъ закончился кратковременный періодъ подъема. Какъ же долго продолжался періодъ полной частичной остановки работъ во всѣхъ отрасляхъ германской промышленности? Въ 1874 году дѣла идутъ изъ рукъ вонъ плохо, и точно также идутъ они въ 1875, 1876, 1877 и 1778 гг. Только въ 1879 году дѣла оживляются, но уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ сбытъ, а вмѣстѣ съ нимъ и производство прекращаются, застой растетъ, прерываясь лишь кратковременнымъ подъемомъ въ 1888-1890 годахъ, который опять заканчивается кризисомъ. Въ послѣднее время (писано въ 1898-1899г.) мы видимъ новый подъемъ, продолжающійся около трехъ лѣтъ и уже нынче обнаруживающій всѣ признаки своей кратковременности.[31])

Если мы теперь поставимъ вопросъ сколькими мѣсяцами, нѣтъ, сколькими годами остановки во всѣхъ мастерскихъ всѣхъ отраслей промышленности всей Германіи обязаны мы такому ходу развитія, а съ другой стороны спросимъ себя, сколько мѣсяцевъ, нѣтъ, сколько недѣль стояло производство изъ-за стачекъ, имѣвшихъ мѣсто только въ немногихъ производствахъ,

[31]) Кризисъ разразился во вторую половину 1900 года и до сихъ поръ (іюль 1901 года) все растетъ.

Прим. перев.

да и то лишь въ опредѣленныхъ городахъ, только въ нѣкоторыхъ изъ многихъ тысячъ германскихъ предпріятій, — то самое сравненіе этихъ двухъ величинъ покажется намъ почти ребячествомъ. Кто не принимаетъ мѣръ къ уменьшенію колоссальныхъ потерь, причиняемыхъ капитализмомъ, тотъ пусть оставитъ насъ въ покоѣ съ своими жалобами противъ рабочихъ! Вѣдь въ концѣ концовъ рабочіе, завоевывая себѣ высшую заработную плату, сокращаютъ время всеобщей остановки производства, такъ какъ улучшеніе въ образѣ жизни массы, увеличивая сбытъ товаровъ, содѣйствуетъ относительному смягченію кризиса.

Но, основывая организаціи для борьбы за условія труда и требуя для ихъ дѣятельности полной свободы, не вызываемъ-ли мы этимъ самымъ страстной, непрерывной внутренней войны между классами?

И въ данномъ случаѣ приходится отвѣтить, что война между капиталомъ и трудомъ вызывается не профессіональными союзами; что, напротивъ, она и безъ ихъ содѣйствія безостановочно ведется во всѣхъ отрасляхъ производства, и что рабочія организаціи лишь предотвращаютъ наиболѣе печальныя культурныя послѣдствія этой войны.

Присмотримся къ современной борьбѣ между капиталомъ и трудомъ, между крупнымъ и мелкимъ капиталомъ. Развѣ даже въ томъ случаѣ, когда она совершается въ самыхъ мирныхъ формахъ, — безъ стачекъ и безъ изгнанія рабочихъ, — она не поглощаетъ постоянно больше жертвъ, больше человѣческихъ жизней и человѣческаго счастья, чѣмъ любая война съ самымъ жестокимъ врагомъ? Правда, война раздробляетъ государства, оставляетъ за собой развалины вездѣ, куда она проникаетъ. Но война проходитъ сравнительно быстро, и скоро опять разстилаются цвѣтущія поля и появляются уютныя жилища тамъ, гдѣ недавно царило разрушеніе. Экономическая война совсѣмъ иначе разоряетъ мелкаго крестьянина и мелкаго ремесленника;

она сметаетъ съ поверхности земли цѣлыя селенія, въ которыхъ мирно жили мелкій земледѣлецъ и мелкій мастеръ; она отнимаетъ у задолжавшагося крестьянина и обанкротившагося ремесленника всякую возможность снова стать на ноги. Всякая внѣшняя война уноситъ много жизней; но еще больше людей умираетъ ежегодно отъ того, что ихъ заработной платы не хватаетъ на полное поддержаніе ихъ жизненныхъ силъ. Даже послѣ непріятельскаго грабежа стѣны домовъ не смотрятъ такими пустыми, какъ послѣ наступленія кризиса, когда одна вещь за другой отправляется въ закладъ. По истинѣ, жертвы имуществомъ и людьми, которыхъ постоянно требуетъ наша экономическая система, доказываютъ, что мы живемъ въ непрерывной внутренней войнѣ. Весь нашъ экономическій порядокъ основанъ на борьбѣ, и тотъ, кто не принимаетъ брошеннаго ему вызова, кто не умѣетъ защитить самого себя, тотъ самъ себя губитъ. Капиталъ такъ не поступаетъ, почему же поступать такъ рабочимъ, борющимся за лучшую заработную плату, за болѣе достойныя условія труда, слѣдовательно за счастье, за образованіе, за тѣлесное и духовное сохраненіе и развитіе большинства населенія?

Поэтому, кто не хочетъ этой „войны“, пусть обратится къ тѣмъ, которые ведутъ ее въ пользу немногихъ и во вредъ огромнаго большинства населенія, во вредъ всей нашей культурѣ; пусть обратится онъ противъ капиталистовъ, а не противъ рабочихъ, которые прежде всего требуютъ только того, что они должны требовать, если не хотятъ погибнуть отъ голода и нищеты, если не хотятъ отказаться отъ своего будущаго.

Такимъ образомъ, какъ экономическія возраженія противъ профессіональныхъ союзовъ, — указанія на неизмѣнную игру „спроса и предложенія“, — такъ и общія жалобы совершенно неосновательны, а при ближайшемъ разсмотрѣніи превращаются даже въ доводы, говорящія въ пользу организацій рабочаго класса.

IX.

Но даже въ томъ случаѣ, еслибы непосредственная польза отъ профессіональныхъ союзовъ, — еслибы повышеніе заработной платы и уменьшеніе рабочаго времени, еслибы уменьшеніе нужды и улучшеніе образа жизни были весьма незначительны, то въ этомъ случаѣ значеніе профессіональныхъ союзовъ, какъ школъ для экономическаго воспитанія пролетаріата, для подъема и облагороженія экономической борьбы рабочихъ было бы огромно.

Ни одно сословіе и ни одинъ классъ не рождается на свѣтъ съ полнымъ сознаніемъ той исторической роли, которая выпадаетъ на его долю. Каждый, стремящійся впередъ слой населенія только послѣ долгаго опыта и безпрерывнаго самоусовершенствованія созрѣваетъ до внѣшняго единства и до внутренней силы, безъ которыхъ даже самая справедливая борьба не принесетъ ему побѣды.

Пролетаріатъ также долженъ работать надъ самимъ собою, чтобы освободиться отъ всѣхъ ошибокъ и предразсудковъ, чтобы стряхнуть съ своихъ поступковъ всякую мелочность, приставшую къ нему. Да, онъ долженъ старательнѣе работать надъ самимъ собой, чѣмъ другіе слои, дѣлавшіе когда-нибудь тоже самое, такъ какъ нужда и жизненныя условія поставили его ниже, чѣмъ стояла буржуазіи въ эпоху своей борьбы за освобожденіе.

Именно профессіональнымъ союзамъ выпала на долю великая задача — содѣйствовать рабочему движенію въ его цѣломъ. Правда, это движеніе идетъ гораздо дальше узкихъ предѣловъ простой борьбы за условія труда; соціальный вопросъ есть не только вопросъ желудка, но вопросъ о преобразованіи всѣхъ взаимныхъ отношеній между людьми, вопросъ о независимости и о достоинствѣ всѣхъ тѣхъ, кто въ настоящее время стремится къ освобожденію. Тѣмъ не менѣе, именно во-

просъ желудка прежде всего приводитъ въ движеніе людей равнодушныхъ, у которыхъ высшія стремленія развиваются только подъ вліяніемъ движенія; и именно борьба за условія труда, даже въ томъ случаѣ, когда она сопровождается неудачей, — содѣйствуетъ развитію въ рядахъ пролетаріата дисциплины, мужества, готовности жертвовать собой и непоколебимаго чувства солидарности.

Капиталистическая пресса бросаетъ намъ упрекъ, будто стачки способствуютъ одичанію рабочихъ. Но если это когда нибудь случается, то, навѣрное, только при разрозненныхъ, неорганизованныхъ стачкахъ. Напротивъ, стачки организованныя, руководимыя союзами, всегда оказывались отличной школой дисциплины и самообладанія.

Стачка и борьба за условія труда существовали всегда, съ тѣхъ поръ какъ рабочій классъ рѣзко отдѣлился отъ класса предпринимателей. Первыя, можно сказать, вполнѣ стихійныя стачки имѣютъ всегда сильную примѣсь личнаго озлобленія. Онѣ всегда вспыхиваютъ вслѣдствіе какого нибудь внезапнаго гнѣва рабочихъ, безъ подготовки и безъ ясно сознанной цѣли и, понятно, столь же быстро прекращаются. Но именно отсутствіе дисциплины, приводя въ этомъ случаѣ рабочихъ къ безполезнымъ выходкамъ, мѣшаетъ имъ узнать, что возмутительныя условія, противъ которыхъ они возстаютъ, являются необходимымъ послѣдствіемъ экономической системы, болѣе могущественной, чѣмъ самый могущественный фабрикантъ. Именно это отсутствіе дисциплины мѣшаетъ рабочимъ узнать, что машины, напримѣръ, не обязательно должны вредить людямъ, а могутъ быть имъ полезны, сокращая время ихъ труда и облегчая его тяжесть. Только отсутствіе дисциплины приводитъ къ тому, что рабочіе не стремятся къ кореннымъ реформамъ, не стремятся, слѣдовательно, къ измѣненію системы, а направляютъ свою месть то лично противъ

фабрикантовъ, то противъ машинъ, нанося оскорбленія и угрожая первымъ и разрушая вторыя. Но рабочіе поступаютъ такимъ образомъ, т. е. склоняются къ насильственнымъ дѣйствіямъ и къ мести только потому, что они не способны видѣть дальше поверхности, что они не получили ни профессіональнаго, ни политическаго воспитанія.

Профессіональная агитація обнаруживаетъ, что въ настоящее время конкуренція предпринимателей между собою должна понижать заработную плату и что это пониженіе платы можетъ быть избѣгнуто не отдѣльными насильственными дѣйствіями, а лишь тогда, когда всѣ рабочіе одной отрасли обяжутся строго держаться одного установленнаго уровня заработной платы или, по крайней мѣрѣ, установятъ плату, ниже которой никто не долженъ работать. Такимъ образомъ борьба за условія труда перестанетъ быть простой угрозой и дикой борьбой съ отдѣльными хозяевами и возвышается до готовой на всякія жертвы и энергичной, но спокойной и сознательной взаимной поддержки рабочихъ.

Профессіональное движеніе показываетъ рабочимъ, что машины и техническія улучшенія, являясь сами по себѣ орудіемъ прогресса, могли бы дать имъ много свободнаго времени для самообразованія, для отдыха и развлеченія. Слѣдовательно, оно показываетъ, что машины — не враги, и что онѣ уже въ настоящее время могутъ отчасти оказывать благотворное вліяніе, когда рабочіе, благодаря своей солидарности, добиваются уменьшенія рабочаго времени и увеличенія заработной платы.

Такимъ образомъ вся сила, которая прежде дѣйствовала вспышками и обнаруживалась въ разрушеніяхъ, направляется на то, чтобы встряхнуть рабочихъ изъ ихъ апатіи, чтобы разъяснить имъ все экономическое положеніе и организовать ихъ, такъ какъ только въ этой дѣятельности заключаются предварительныя усло-

вія для прочныхъ успѣховъ въ борьбѣ за условія труда.

И надо признать, что профессіональное движеніе совершило такимъ образомъ великое дѣло, поднявъ экономическій и политическій уровень рабочихъ. Только оно и научило рабочихъ думать надъ экономическими вопросами; оно дало имъ возможность вглядѣться въ суету экономической жизни, въ роковое „дѣйствіе спроса и предложенія“; оно разбудило ихъ чувство солидарности, ихъ классовое сознаніе; оно усилило ихъ настойчивость и ихъ самоотверженіе.

И объ этой-то громадной воспитательной дѣятельности, съ которой не могутъ сравниться никакія общеобразовательныя и профессіональныя школы, никакія церкви, библіотеки и музеи, говорятъ, что она въ концѣ концовъ ведетъ къ одичанію и порчѣ массъ?

Нѣтъ, этому не вѣрятъ и сами противники! Шаткость этого утвержденія давно доказана опытомъ!

Пока англійскіе сельскіе рабочіе оставались неорганизованными они (какъ это, впрочемъ, нынѣ еще дѣлаютъ ирландскіе арендаторы и русскіе, румынскіе и испанскіе крестьяне) часто прибѣгали къ поджогу, желая отомстить за испытанное ими притѣсненіе. „Подъ самимъ носомъ арендаторовъ поджигались скирды хлѣба и стога сѣна, даже овины и сараи. Почти каждую ночь можно было видѣть пламя двухъ-трехъ такихъ пожаровъ, и они распространяли страхъ и ужасъ среди арендаторовъ и землевладѣльцевъ. Виновниковъ, за рѣдкими исключеніями, не удавалось открыть, а народъ приписалъ эти поджоги миѳическому лицу, названному имъ Суингъ. Многіе ломали себѣ голову надъ тѣмъ, кто бы могъ быть этотъ Суингъ, откуда берется столько ярости у бѣдняковъ, населяющихъ сельскіе округа: только весьма немногимъ приходила въ голову мысль о той великой движущей силѣ, какой является нужда и угнетеніе“. Эти аграрныя преступленія исчезли только тогда, когда сельскіе рабочіе вышли изъ своей забитости

и создали организацію, которая дала имъ возможность другимъ путемъ достигнуть осязательныхъ успѣховъ.

Не иначе обстояло и обстоитъ дѣло во всѣхъ прочихъ отрасляхъ труда. Именно отсутствіе организаціи удерживаетъ рабочаго на низкомъ уровнѣ развитія; и именно профессіональное движеніе, постоянно разъясняя экономическіе вопросы, расширяетъ его міросозерцаніе и осмысливаетъ его борьбу, такъ какъ требуетъ отъ него спокойной настойчивости и постояннаго самоотверженія.

Кто закрываетъ эту школу ума и характера, тотъ грѣшитъ противъ всей будущности народа. А кто участвуетъ въ этомъ воспитаніи, тотъ можетъ гордиться сознаніемъ, что онъ по мѣрѣ своихъ силъ содѣйствовалъ поднятію массы и не обращалъ вниманія на то, что газеты, продавшіяся предпринимателямъ, всячески поносятъ и клевещутъ на него, какъ на „профессіональнаго агитатора“ и „зачинщика стачекъ“.

Конецъ.